

Короткие истории долгого полугода

18+

Март Владислав

Владислав Март
Короткие истории
долгого полугода

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67895097
SelfPub; 2023*

Аннотация

Дневниковые записи о событиях людских и природных в разных городах России в начале 2022-го. Детали, незамеченные другими.

Содержание

Интро.	4
Январь.	11
Февраль.	23
Март.	58
Апрель.	78
Май.	115
Июнь	145
Полугод.	164

Владислав Март

Короткие истории долгого полугода

Интро.

Язык как код жизни на котором записаны все входящие впечатления и вся исходящая радость никогда не был для меня нерушимым. Скорее представляю язык шёлковым платком, что пролезает через кольцо гранаты грамматических нацистов, через замочную скважину двери хранилища скреп, которыми русская черепаха намертво прикреплена к русскому киту, плавающему в русском океане плоскорусской равнины. Как бы ни был прочен панцирь, платок струится на ветру. Пролезает, преодолевает, реет. Живой язык впитывает эхо других кодов и теряет свои кусочки на поворотах времени. Как бактериофаги, что носят фрагменты генетической информации от бактерии к бактерии, нечаянно или нарочно отрывая код при сборке нового поколения. Так и мы, я по крайней мере, приносим новое из других языков, уносим в текст, в сленг, куём свой собственный диалект для людей, для семейного очага. Не чтобы выпендриваться, чтобы нас лучше понимали. Помню, как здорово я удивился, изучив на

курсе психиатрии такой симптом как неологизм. Придумывание новых слов есть знак заболевания головы. О-па, тут я не ожидал подвоха. Что за консерватизм? Всю свою жизнь я ощущаю недостаток слов в языке олигархов и холопов, которому меня научила школа, стоящая между кладбищем и больницей на улице имени первого космонавта. Он-то имел шанс улететь от железобетонной лексики, не захотел. Подмечаю чужие придумки и смело транслирую нововведения в свою речь. В близком окружении в порядке вещей за встречу придумать пару слов полнее описывающих ситуацию, чем имеющиеся у Ожегова. Новые могут быть завтра забыты, могут и стать сленгом компании, а могут через нас попасть в мир. Это хорошо, это нормально, я делал это всегда. В этом тексте я буду общаться на своём русском, бедном или богатом, но своём, кастомизированном. Уходящий год закрепил недавние изобретения в нашей семье. Это жра и спа. Или даже это Жра и Спа. Пороки, зависимости, но и друзья, и близкие. Жра – это совокупность вкусняшек живущих на кухне, мигрирующих к клавиатуре, притягивающая ближе к ночи и манящая доесть её, часто сверх нормы, после ужина, между приёмами обычной нежры, между ранним и поздним ужином. Жра вкусна и скоро на сборы, любит смотреть сериалы. Жра состоит из маленьких частичек, которые могут утянуть стрелку весов на самое дно пола и показать то, что ты никогда не видел на индикаторе весов. Жра старается показать третью цифру. Жра – друг, что затягивает во все свои мут-

ные дела, но разве может друг причинить неприятность? В дни стабильной работы и здоровья, Жра надёжно поселяется в семейном вечере. И нет слова более точно отражающего поглощение сухой рыбки или печенья перед мерцанием монитора после ужина. Ни нОчник, ни чаепитие, ни второй ужин не похожи на Жру. Близкий её приятель – Спа. В отличие от Жры владеет тобой по утрам. Сытый после Жры достаёшься Спе. Это лишние семьдесят минут неги в постели, это отложенная прогулка с псом, это пропущенный онлайн вебинар, это невыполненная зарядка. Спа обладает синергизмом со Жрой. Отупляет и расслабляет. Такой же признак, что всё в порядке, в достатке. Жра и Спа не любят суеты. Наверняка существуют люди, узнавшие об этих двух словах давно и живущие под их диктовку. У нас не так. У нас Жра и Спа – гости, пришедшие в новогодние каникулы и пока мы не торопимся выгонять их. Ещё одним словом-примером тянущим свои буквы к моему словарю является тётство. Есть материнство, отцовство, но нет бабушкинства, дедушкинства, тётства и дядьства. Особенно тётство заслужило место в языке. Этот феномен, служение своим родственникам от женщин часто не имеющих собственных детей каждому знаком. Живут такие сердечные тётки, что помогают всем вокруг и приносят в дань своё время. В английских детективах они богатые и капризные, но оставляющие наследство и воспитывающие девочек. В латиноамериканских сериалах тётки готовы пожертвовать жизнью ра-

ди племянника и становятся вторыми матерями. В российской глубинке тётки закручивают банки и делятся запасами под Новый год с нерадивыми сестрами и братьями, что научились только лишь делать детей, но никак не соленья, варенье и веники. Тётчество расцветёт в XXI веке с усилением проблемы бесплодия, переходом на чайльд-фри, в мегаполисах, с возвышением себя над природой, усилением роли женщин в политике, спорте, бизнесе. Мне уже сейчас понятно и приемлемо слово «тётчество», надеюсь, в скором будущем оно перестанет быть подчёркнуто красной волной в Word. В нашем семейном сленге прижилось и слово синиц – мужская форма синицы. Кормушка с прозрачными стенками, прикрепленная к окну кухни уже года три является спасением для окрестных синиц в холодно-влажные московские зимы. Каждый завтрак проходит под рассматривание жопок птичек и их забавную очередь к семечкам, интригу и борьбу за место в кормушке, находящейся прямо перед нами по ту сторону стекла. Синиц можно различать при кажущейся их одинаковости, например, по рисунку чёрного пятна на груди-животе. На жёлтом фоне эта чернота, несимметричная и разная клякса, является уникальной у каждой особи. Тонкие и толстые, треугольные или шаровидные пятна нам подсказывают, что часто прилетают одни и те же птицы. Так мы опознали и ночного гостя. В отличие от всех прочих, ночной синиц, не просто кушает в кормушке, но и сидит, спит там. Встав в темноте раннего утра, до начала панического птичьего-

го жора семечек, мы видим одинокого ночного синица. Он не улетал в своё гнездо, сидел ночью, немного подьедал чтобы согреться. Для описания конкретной птицы мне не хватало слов. Только с названием «ночной синиц» всё стало спокойно, это подходящее. Такой он, язык, позволяет придумывать чтобы лучше жить и доносить неуловимый оттенок до носителя. Ночной синиц и никак иначе нельзя сказать, чтобы не исказить реальность, суть жизни. Очень рад, что синиц выбрал наше окно. Бывает, что новые слова приходят со стороны. Не вычлениваешь их из потока мыслей, не снимаешь с собственного языка, не крадёшь оговорку у другого человека. Бывает, что видишь готовое прямо на заборе. По пути с работы я проезжаю тихую московскую улицу, образованную типичными серыми многоэтажками разбавленными цветными новостройками и светящимися первыми этажами продуктовых магазинов. Многоэтажки эти являются убежищем для студентов-иностранцев Института русского языка и рабочих-иностранцев занимающихся уборкой улиц и ЖКХ. В момент, когда мне нужно притормаживать у эбонитового полубревна поперёк пути, мой взгляд упирается в вывеску на ларьке. «Кус остока». Мне кажется, что это необычайно точное определение всей кухни восточных стран, всей манеры продавать эти блюда. Выжимка потока слов описывающего выбор блюда, удовольствие, послевкусие. Две первые буквы в названии «Вкус Востока» горят бледно-красным и контраст с остальными ярко-жёлтыми буквами столь силён,

что прочитать правильно не получается. Как не прищуривайся коробочка с окнами «кус остока» остаётся именно кусом остока. Неологизмы эти напоминают мне наименования приправ на рынке, а ещё акцент, с которым разговаривают официанты в восточных кафе.

– Что это за салат? Острый?

– Это же кус, кус остока, конечно, острый! Острый как осток весной!

– Как перец? Красный?

– Нэт, какой перец. Кус! Кусостока, совсем другой, острый, полезный для здоровья мужчин и особенно женщин. Иммуниет даёт. Кус остока нашэ фирменный блюда. Лаваш будете брать к нему? Чай?

– Э-э-э, хорошо, два куска остока, лаваш и кофе по-арабски.

– Есть ещё казка авказа, ысяча очь и свежий сетинский асала оса!

– Спасибо, в следующий раз попробуем.

Среди заимствованного у живущих в конце 2021, я бы хотел выделить слово обозначающее бесконечное обдумывание всякой ерунды, оборот пустых деталей в голове не дающий уснуть или сосредоточиться на работе. По-русски мне не удалось подобрать подходящее слово. Опять же само долгое обдумывание какое слово подойдёт это и есть именно это, то что не получается по-пушкински назвать. Навязчивое состояние, которым не поделишься с другими, потому

что не понятно с чего начать и где это начало цепочки мыслей. Английская статья по психологии неожиданно дала ответ. Руминация. Теперь все эти мелкие обидки, воспоминания о несделанных пустяках, додумывание чужих слов, все эти поезда с ненужными людьми, что проносятся в мозге мимо, вдоль конкретных дел, всё стало называться руминацией. И стало немного легче. Толику меньше стало облако слов людей, что застряли за день и к которым мне отчего-то нужно сформировать своё отношение. На шепотку мягче стали мысли о прошедших днях полных неполных встреч и недосказанных сказаний. Руминация озаглавила болото непродуктивной мыслеформы. Я пытаюсь запереть все эти обмозговывания, мысленные передёржки за дверью огромного амбара морщения ума, что называется теперь «Руминация». Как в ранних сериях «Ходячих мертвецов», где в классическом американском амбаре сельчане закрыли укушенных соседей, а потом искали неделю одну девочку. Одну светлую мысль, что затерялась в руминации и у меня. Ясный кус остока, что нашли её в том же амбаре с зомби, когда всё же отважились открыть и перебить их. Моя потерявшаяся ясность – это желание поделиться своим дневником, нажать энтер в конце строки.

Январь.

Прогулка в новогодний вечер, то есть когда уже стемнело, но ещё не шампанское, как-то сама забралась и поселилась в жизни. Сначала в этом была некая спешка. Успеть оббежать центр города, того первого провинциального города, с редкими украшениями и снежинками в свете фонарей, слепить снеговика или хотя бы бросить во тьму сосульку. Затем пришла в жизнь Москва и однажды заграница, где новогодний вечер дарит шикарные театральные постановки или бульвары полные света и дизайна. Опять спешка, мелкими перебежками, выдыхая впечатления от оперетты и вдыхая предвкушение от новогоднего стола. Всё бегом. Темно как семь, а уж одиннадцать. Не успеем встретить, а что если встретим во дворе, в метро, в машине – не то! Так и пошло, повелось. Всякий вечер перед боем курантов, в тот самый один раз в году, когда стрелки эти ждёшь, мы оказываемся на улице. Маленькая дочка – демонстрация ледовых скульптур, дочка побольше – запускаем фейерверки, ещё больше – обалделые от «Анны Каренины» семенем по льду, стараемся не упасть у подъезда, у самых мандаринов, у самого стола салатов. И даже когда провинция снова стала хозяйкой предкурантной ночи в пандемию, улица никуда не исчезла. Чтобы потом пойти попозже, сейчас надо пойти попозже. Логика выгуливателей собак. За час до президентской пятиминутки я вышел очер-

тить следами энергоинститут. Водитель собаки. И вот тогда мне бросилась одна вещь в глаза, которой раньше не было. Раньше, это я не знаю когда. Раньше, как сейчас дочка или раньше как первый год в Москве? Какое-то раньше не слишком далёкое. Доковидное раньше. Я брёл с поводком и отметил, что машины снуют как в любое другое одиннадцать вечера года, людей мало и все одинокие или парами с блюдами в руках, а блюда все с фольгой, а люди все ругающиеся друг на друга. Собак совсем нет. Но самое яркое новое – мало горящих окон. Типовой квартал с десятками десятиэтажек. С одной точки могу видеть сразу пять-шесть, с их серыми фасадами квадратиков-окон. Но свет горит хорошо если в каждом четвёртом. Некоторые линии стояков с первого по десятый пустые полностью. В отдельных подъездах горело всего одно окно. Мало иллюминации в них, просто свет. Не так как в детстве уж точно. Папа везёт на санках, я черпаю рукой снег с дороги, а мама заглядывает во все горящие окна первых этажей. Обсуждают шторы, люстры, кухни. Все окна горели тогда. Тротуар освещался в детстве не фонарями, а окнами ближайшего дома. Сейчас собака и я свидетели, что людей за окнами в этот праздничный вечер мало. Рестораны закрыты из-за ограничений, клубов-дискотек для молодёжи, таких как были в моё время нет, на улице никто не играет и даже не пьёт. Где все люди? Накупили квартир как инвестиции? Умерли в пандемию? Пришли в гости в другую квартиру и оттого свет только в каждой четвёртой?

Последнее кажется самым реальным объяснением. Но когда я сам лично в последний раз так делал, ходил в Новый год в гости? Полагаю, лет пятнадцать назад... Позвонил Руслан, поздравлял, авторитетно желал, благодарил за мои ответные слова. Я перебил его и поделился наблюдением. Нет света в многоэтажках при том в хорошем районе. Друг вынулся из окна своего дома в пригороде и подтвердил. Насколько он мог видеть застройку у себя, света было очень мало. А с учётом новогоднего двенадцатого часа, необычно мало. Он тоже пустился в размышления озвучив все версии. Помолчав мы всё же остановились на том, что все в гостях. Просто конкретно мы не делаем так. А некоторые пенсионеры и вовсе ложатся спать, для них это обычный день. После этого тревога отступила и максимально близко к полуночи собака и я вернулись в одну из квартир, где свет горел. Захотелось дома сделать этого света больше. Я включил все гирлянды, зажёл свечу подаренную в прошлом году. Телевизор, свет экранов телефонов, отражения в окнах изнутри, в зеркалах, свет газовой горелки, мы дали максимум света. Пусть кто-то снаружи не переживает. Всё как в детстве. Наша квартира не пустая.

* * *

Командировка уже завершилась, а желание прикалываться над Ульяновском живо. Ульяновск, Лениняновск, Улья-

на-на-Володеволжск. Оказался таким же засыпанным снегом в эту зиму как Москва, только нечищеным – как москвичи говорят – от слова совсем. Тема УАЗиков совершенно оказалась не раскрытой. Интернет сообщает, что по всему миру есть сообщества фанатов «буханок», также и «козлов», занимающихся рестайлингом и умиляющихся над анимешной мордочкой УАЗ-минивена. Везде есть такие сообщества, кроме родины УАЗа. Я не встретил не то что разрисованной-переделанной «буханки», я вообще не встретил на улицах родной автопромышленности. Джипы всех родов импорта буксовали и брызгали коричневым снегом на тротуары. Все японцы и европейцы были здесь. Гелентвагены и Прадо стояли рядами у ТЦ. Но ни одного уазика, ну хотя бы «Патриота», не встретилось. Не перебежал он мне дорогу, не стоял прислонившись к сугробу, не рычал на крутом подъёме. И всё так. Ничего родного не было в городе. Среди коротких старинных улиц с купеческими двухэтажками не успевала родиться у меня трепетная благодать от архитектуры, как я упирался в Огромный Стекланный ТЦ заклеенный светящимися брендами одинаковыми в каждом городе России. К дому Ульяновых не пройти – ремонт. В парк у реки не спуститься – темно и маньячно. По центру не погулять – скользко и непролазно одновременно. Центральные рестораны не имеют в наличии и половины меню. Нет тёмного пива. Нет супа. Нет хлеба. Ни крутона, ни гренок, ни пирожков, ни блинов. Есть только белые рубашки официантов с лица-

ми призывников на медкомиссии и ёлка у входа сложенная из пустых винных бутылок. Какой ты, Ульяновск, неготовый к гостям. Памятник букве «ё» был бы небольшим утешением, если бы имел я лопату откопать его. Смотровая площадка с видом на оба моста была бы моим променадом, если бы не скрипучая рядом сломанная канатная дорога и не бродячие собаки. Одна только Волга, замёрзшая как будто вовсе мелкая, как пруд в парке, ставшая белой пустыней очаровала. Не приглянулась она мне в Волгограде, обычной показалась в Ярославле и Костроме, в Саратове, в Твери. Забавной была на паромной переправе в Мышкине. Красиво лежала в Рыбинске и Угличе. В Калязине и Ржеве тоже скорее просто понравилась. В Ульяновске остановленная морозом наконец-то показалась прекрасной. Ни движения, ни проруби. Нет людей на льду, сколько видит глаз. Зная, что Президентский мост с подъездами равен двенадцати километрам, смотришь на лёд Волги с почтением. Говорят, что летом вся цветёт, злословят, что отмели да погибшие суда не красят. Пока не верю, слепну от белости льда. Если и Волга прокинёт мои впечатления, то совсем пропал ты, Ульяновск. Ночью на том берегу азбукой Морзе разговаривают со мной верхушки ветряков ветропарка. Я видел их вблизи Вены, представляю всю мощь. Но на фоне Волги и они только красные диоды, как простая гирлянда из одного красного цвета протянулись по берегу. Спросил у проходящих местных, что за огни – не знали. Я-то подготовился перед поездкой, почитал.

На второй день отпустило меня разочаровываться в чужих городах и стал я получать удовольствие от еды. Нашлись всё же в переулках тёплые котлеты и суп, горящие сковороды с мясом и овощи-гриль. Занимался *people watching*. Всё как везде по России. Полковники обедают с водкой и небылицами о службе. Планируют следующую медаль. Гости с юга, мужчины полные, занимающие полкафе, не работают, сидят с чаем, разговаривают по мобильному вставляя русский мат в родную речь. Подростки вставляют родную речь в мат и шумят как их адские колонки в рюкзаках, выныривают из одного бессмысленного магазина и влетают в другой, третий, в фуд-корт. Холодно просто так материться меж сугробов. Народ в целом как везде, чудной, суетливый и близорукий. Не видит красоты края, смотрит на ТЦ из тёмных окон Пасфайндера или с обратной стороны витрины «Бургеркинга», сквозь наклейку, что порочит соседний МакДональдс. Встречи по работе были сродни походу по городу. Народившиеся 30-летние главные врачи, озабоченные обтягивающей одеждой и тюнигом «Приоры» встречали в бедненькой, но чистенькой светлице двухэтажного административного корпуса, который должно быть посещал ещё папа Ильича. Местные фармфирмы ютящиеся в арендованных клетях офис-центров с чайниками и кипятильниками в коридорах на пионерских тумбочках. Секретарши администраторов решающие за всех кому и с кем встречаться сегодня, кто занят, а кто перенёс встречу. И на каждом визите постукивание бо-

тинками о стенку и порог, встряхивание снега, смена бахил и масок, знакомство и улыбка под маской так чтобы по глазам было видно, что я рад и счастлив говорить. Местные все без масок, устало машут рукой, сокращение бюджета медицины региона кажется коснулось и их корпоративной культуры. Главный врач-предприниматель, главный врач-качок, главный врач-политик. Моложе меня. Молодечно. Я бы тоже не отказался руководить клиникой в 30-35. Откуда талант взять? Не научили меня. Улетал «Победой». Много плохого слышал про авиакомпанию, придираются, преувеличивают. Если лететь одному, без семьи, без багажа, без смысла жизни и недолго, то очень даже неплохо. Сложно в целом испортить полёт длительностью час с небольшим. Отсутствие кармана у кресла впереди только смутило. Интересен тот самый злосчастный контроль багажа по размеру, когда твою сумку кладут в железный ящик размером с кот и потом хлопают крышкой, так чтобы она непременно со звуком удара швабры Тора грохнулась о железные края стенок. Грохот этот возвещает, что сумка влезла и подходит под требования ручной клади. Если грохота нет, извините, оплачивайте как багаж. Так вот грохот этот на рейсе из Москвы был только от пассажиров, что искренне изучали систему и тыкали свои сумочки в синий прямоугольник у стойки регистрации. Никто из людей в униформе «Победы» не заставлял в Москве проходить эту неприятную процедуру пассажиров в очереди на посадку. Но вот на обратном рейсе из Ульяновска, а я думаю,

что из любого всякого провинциального города, грохот раздавался по залу постоянно. По нему я и вычислил выход на посадку. Персонал компании авиаперевозчика бдил и всовывал невпихуемое в коробку для кота. И о горе тем, чья ноша пружинила под крышкой и не извергал ящик характерного грохота. Пассажиры просили вторую попытку, поворачивали свои портфели боком, сами с большой амплитудой опускали с размахом крышку. Кто-то ставил сверху ногу, кто-то ругался. Особенных последствий по принуждению к оплате я не заметил, но настроение было испорчено у десятка людей, посадка тормозилась, вещи мялись, в людях рождался крепостнический страх, ненависть к НКВД, городу и сварщику синего ящика. Грохот крышки стоял в ушах до самого грохота двигателей.

* * *

Вторая командировка года оказалась куда как лучше. Во-первых, никаких очередей в самолёт и заполнения пустоты в аэропорту. Азиаксист отвёз меня на абсолютно новый вокзал «Восточный», что скромно приютился на севере, где-то за ВДНХ и стадионом «Локомотив». Маленький и нестаринный он совсем не походил на ожерелье знаменитых монументальных ЖД вокзалов столицы на кольцевой линии метро. Перевалочная станция, новенький как МФЦ, «Восточный» перехватывал скорые электрички и отправлял всех их

в сторону Нижнего Новгорода. Стоянка такси почти отсутствовала, зал ожидания вместил только одно кафе, перрон напомнил о временах, когда с одноклассниками кочевали до грибных мест. Старт наш начинался под такими же навесами у бетонного берега перрона. Сегодня всё лучше, бетон не крошится под ногами, фонари светодиодные, в расписании порядок и мобильное приложение подсказывает куда идти. Что скрывать, билеты теперь покупаются честно, без зайцев, но за средства работодателя. Однако эти улучшения перрона и вокзала нивелируются ослабевших зрением и зимой. Все отличия от той станции после школы размываются, холодный ветер не позволяет смотреть на HD экран, шапка глушит идеального диктора. Электричка-комета всосала нас за пару минут и дорога покатила комфортно и безостановочно. Чуть хуже «Сапсана», чуть лучше «Аэроэкспресса», наш «Стриж» или как-то так, довёз меня с коллегой до тихого Владимира. Зима в нём оказалась лютая, тёмная, сказочная как в фильмах Роу. Быстрая остановка в отеле и прогулка по центру. Крутые холмы над далёкой внизу рекой, так и видишь здесь укрепления, валы, частокол, глаз сам очерчивает прошлые границы по центральной части города. Домонгольские храмы прекрасно восстановлены, подсвечены и в безлюдье, на морозе, мы стоим свидетели красоты. Стены соборов под прожекторами цвета льда на катке. Иллюминация холодная, сине-белая, но праздник из всех окон и с каждого дерева. В чёрном небе на ветвях сидят огромные мерцающие

снежины, сосулищи метровые и прочие символы Руси. У соборов люд катается на коньках, то есть ходит по замёрзшей воде. Местные дети на ветру крутятся на безумном аттракционе как в открытом миксере. Бешено вращаются огоньки, кажется, что слетят с них шапки и сами они вслед. Москвич схватил бы ангину или менингит, а здесь очередь из детей в миксер. Нечищенные улицы светлы и кажутся не беспорядком, а инсталляцией средневековой жизни. Не хватает бабы с коромыслом, стражника в шубе у ворот, стоячих столбов дыма в небе города. Большая Московская приютила нас в ресторанах и барах всех мастей. Здесь и нелепица копирования столичных бургерных, и самобытные рестопельменные с квасом и хреновухой. С мороза хочется какого-то отвратительно дорогого горячего с шикарным супом. Кажется, что в меню этой древней русской столицы мы не поймём ни слова, всё будет с первой красной буквы в полстраницы, с указанием степени терпения заеца и местом споймания лебедея. На деле небольшое разочарование. Лофт. Какой на хер лофт в Володимере? Избегая макдака и почти зажмурившись от донера ныряем во что-то с иностранным именем, но с русской душой. Отогрелись. Скатерть, миска с супом, сметана как айсберг в тарелке, узоры мороза на стекле. В отель пешком по скользким тропам через частный сектор. По пути нас спрашивают дорогу местные. Присматриваемся, не супостаты ли, не монголы – свои. Гуглом показываем им куда. Собаки лают за забором, один и тот же занижен-

ный таксист гоняет по переулкам с лагерным шансоном в салоне, кругами, будто ищет нас как Вий. Мы очертили круг сугробом и не кажемся на люди. Все таксисты, встреченные за два дня, слушали что-то вызывающее кровотечение из ушей. Такое на радио «Шансон» не пустили бы даже ночью. Город не умер после монголов, после всякой полупольской шушары, после кровавой любви своих же князей. Всё стоят три холма и весьма душевно стоят в эту потрескивающую зиму. С Ульяновском не сравнить. Чувствуется место силы. Наскоком не поймёшь, что понравилось, но хочется почитать про эти места, побродить, посмотреть с крутого мыса вдаль. На второй день в противотуберкулёзном стационаре увидел и местных. Туберкулёз плюс ВИЧ, туберкулёз плюс гепатит. В палате по одному, система вентиляции, лучшие лекарства, только люди этого не ценят, не понимают, как им повезло именно в этой образцовой домонгольской больнице. Крашенные дощатые полы, линолеум, память снова разыгралась. Центральные районные больницы Смоленской области так и лезут в ум. Но если любишь, перестань сравнивать. Натёр нос респиратором, напился кофе и снова в такси с песней о тюряге, кушать блины да мясо на Б. Московской. Блинной Московской? Бандитской? Большевистской? Бигдатавской? Умею я не тужить в командировке. Пешая прогулка после обеда вниз с холма до вокзала и прыжок в «Стриж» во время его минутной остановки. Владимир, ты крут и богат, мал, да не увидишь за раз всей красоты. В прошлый раз летом

не было времени рассмотреть, а сейчас в мороз не было возможности. Значит увидимся в третий раз. Суздаль я твой исходил вдоль да поперёк, пора и Владимиру дать очередь.

Февраль.

Семнадцать лет назад стал папой. В этот единственный подобный день в жизни было у меня всё легко и просто. Дочка родилась в полдень и не было нужды страдать и маяться рано и поздно по суткам. Не заимел ни чумных друзей, ни привычки отмечать каждую пятницу или восход выпивкой, ни тем более рождение, так что всё было гладко. Никто не диктовал мне, что делать в этот день. Приехал на трамвае к роддому. С помощью однокурсницы прошёл в палату к уставшей жене и взял на руки ребёнка спустя четыре часа после родов. В этот самый момент установился какой-то контакт и многое прояснилось. Имя Даша стало казаться самым подходящим, то что это девочка самым надлежащим в мире фактом. И то, что дальше всё будет хорошо тоже никак не предавалось сомнениям. На работу я не пошёл, в те времена такие вещи дозволялись благодаря адекватным руководителям. Погода была морозная, но ясная и чистая. Смоленск не был для меня непролазным или грязным, вся маята и цветной налёт на снегу расступались передо мной. Жена покрылась мелкой геморрагической сыпью, которая на глазах исчезала. Бледность лица казалась очень красивой и контрастировала с концентрированным розовым личиком дочери. Остальные цвета в палате, на мне, на знакомой докторше, в коридорах были белыми или очень близко к белому. За

окном было бело, потолок был белым. Пелёнки и всякие накрывашки тел были белыми, бледно-бесцветными. На этом фоне розовость кожи людей ярко сияла. Главным сиянием было лицо Даши. Её складочки и активности мимикой возмущали белое пространство. Её звуки доминировали в пустоте палате. Она была центром мира, собиралась раскрасить эту безликость во все цвета. Начала она с тёмно-розового, с концентрата. Родители мои меня не опекали в тот день и не засыпали советами, что теперь делать, как жить, они работали. Я вернулся из роддома и выполнил несколько пустяковых поручений жены, справился и стал ждать далее остальных счастливых моментов. Какие-то приготовления, вроде принесённого древнего пластикового таза, были уже сделаны. Пелёнки лежали где-то на своих местах. От меня ничего не требовалось, я был спокоен. Состояние моё прекрасно поддерживалось тем, что родителей, к которым мы недавно переехали, дома не было. Все работали и тоже, я надеюсь, не волновались ни о чём. Я не устроил истерик под окнами роддома, зачем, ведь уже держал дочку на руках, не разрисовал машину благодарностями, типа «еду за дочкой», машины у нас не было. Комната, откуда мы вчера поздним вечером уехали в роддом, была немного захламлена вещами, но всё как будто было на местах и пригодится вот-вот. Уже появились у меня первые фотографии, уже имел я доказательства отцовства. Волновался за жену и не волновался за общее будущее. Все следующие дни рождения дочери

мы старались делать что-то особенное. Иногда копировали лучшие примеры из кино и от знакомых, например, детский праздник в кафе-боулинге. Часто придумывали что-то сами, всегда дарили какие-то невероятные подарки. Что-то чего не было в детстве у нас, какие-то чудеса техники. Но как бы ни были наши первые подарки дороги и выбраны с любовью и искренностью, мне запомнился навсегда подарок тёти Оли на 1 год дочки. Это был довольно большой для её роста дочкм енот, мягкий, рыже-коричнево-бело-чёрный, с вполне узнаваемым енотством в нём. С полосками и типичным хвостом. Енот спал с Дашей много лет и жив-здоров до сих пор, не смотря на семнадцать лет проживания множества котов и собаки, праздники и будни. Енот всё так же часто спит с дочкой. Сейчас он ответственен за её сон в Смоленске, на нашей последней немосковской квартире. Он чуть подсдулся, сваялся, на фоне ребёнка стал небольшим, компактным даже. Но он навсегда будет связан с радостями первых лет и каким-то неуловимым способом с тем первым розовым цветом личика, морщинками и большими глазами из белой обёртки, первой одежды человека. То была зима, когда я стал папой.

* * *

Нынче симптомы весны проявились внезапно, как внезапно свои дети начинают ходить, а чужие рожать. Выход с псом на утреннюю прогулку произошёл в абсолютной светлоте,

без намёка на мрак зимней ночи. Все серые городские вороны и чёрные лесные вороны организовались в пары, а пары организовались в концессии. Стали ходить по снегу туда-сюда подбирая и бросая веточки, летать над лесом и домами аррркая и выполняя парные фигуры пилотажа. Лес у Абабурово перестал быть немым, наполнился звуками синиц, паданием шишек от ветра и сваливанием снега там, где пробежала белка. Белое с пешеходных дорожек во дворах исчезло. Многонедельные усилия дворников вдруг в один день стали успехом и среди огромных сугробов родились чёрные асфальтовые дорожки. Показалось, судя по глубине проходов по ним меж куч снега и льда, что зима была многолетней. Слои снега как радуга разделялись на тона и как годовые кольца деревьев были немного неравномерными. Я заменил зимнюю куртку на осеннюю, временно, на пару дней, пока супруга отнесёт в ремонт, но вышло так, что и в осенней оказалось мне тепло. Утром при работе за компьютером я не включил свет в комнате, солнца оказалось достаточно. На всём что только можно представить появились сосульки. Этот комплекс малых признаков весны проявился в самом начале февраля и человеку пожившему, очевидно, что как бы теперь не хлестал ветер, не буксовала машина, не мёрзли руки без перчаток, весна стоит в двух шагах. Ждём ещё снега и большого минуса, но война уже проиграла, зима всё понимает. Утки, что не улетали с тёплых прудов ждут уток, что прилетят из тёплых краёв. Пёс Альбус выдал наружу пух,

что прятал под шерстью с осени и оставляет за собой след как паук, как рваная подушка, разбрасывая тонкие пушинки и волосинки. Скрученный спиралью бамбук из «Икеи» направил свой одинокий бледно-зелёный лист к холодному стеклу. А я бросил в стирку тёплые носки и, может быть, они не вернутся в ротацию и перекочуют сразу к дальней стенке ящика с носками до новой зимы.

* * *

Английский как бесконечный мультсериал. Новый год я решил посвятить прогрессу в этом языке. Прошлый прошёл как год «испанский» и завершился первыми полевыми испытаниями на Кубе. Текущий год станет в моей голове годом апгрейда основного инструмента для познания мира и улучшения моих рабочих компетенций – годом улучшением английского. Я обратился к истокам, моей последней учительнице, в группе которой я готовился к переходу на московскую работу, где впервые в жизни, после больницы, НИИ и университета английский действительно был важен. Ольга не изменилась, всё также со всеми своими знаниями и сертификатами прозубает в Смоленске и отрицает, что таким открытым миру как она, давно пора открыться и влиться физически в этот мир на постоянку, а не только в отпуске. Переехать в какую-нибудь столицу и точно так же учить языку только более замороженных людей и за большую плату.

А там глядишь и все остальные аспекты наладятся: книжный клуб, тверк, адекватные друзья. Иначе будет расти число кошек в доме и несоответствие внутреннего мира и улицы Кирова за окном. Любимое, впрочем, дело, устраивать чужую жизнь. Русская народная мысленная игра. Как хлопок одной ладонью на Востоке, так у россиян – объясни, как именно неправильно живёт другой человек. Мы начали удалённо заниматься. Забавно, до того я сосватал к ней на занятия нескольких коллег с работы и совсем не думал, что вернусь и сам. Никогда не говори никогда, сиквел. Все кроме одного коллеги, забросили занятия с ней по похожим причинам. Она слишком много даёт английского. И этот английский совсем не похож на рабочий, знакомый, школьный, ни на какой. Этот гэп-дисбаланс ставит любого в положение новичка и не позволяет принять этот новый мир. Я понимал, что Ольга, это скорее курс анти-бизнес английского, но всё же выбрал эту опцию. Я свободно читаю потоки про социальные проблемы в эпоху пандемии или медицинские статьи, но с Ольгой всё равно не получается блистать. Я реально узнаю что-то новое каждое занятие. Казалось бы, восхитительно. Но, как учила мама Тириона Ланистера, слушать людей надо начинать со слова «но». Преподаватель даёт чрезвычайно разнонаправленный материал, не повторяет пройденное и слишком много говорит сама. Такая как бы дружеская беседа, часто выходящая за рамки обговоренного времени, не запихивает знания, а заставляет напрягаться и понимать, что

ещё многому нужно учиться. Учитель не идёт на поводу у ученика, а каждый раз задирает плану вверх или неожиданно возвращается к простому накрепко забытому загоняя в угол. И если ты вдруг не в настроении, не сделал домашку, не успел вставить свою реплику в её монолог, то занятие проходит без прогресса и удовольствия. Странное сочетание высокого профессионализма и низкой отдачи потраченного времени. Эта загадка не поддавалась моим коллегам и они поменяли преподавателя. Я же наступаю на брошенные убегающими москвичами грабли. После десятка часов осознаю, что и мне тоже некомфортно. Начинаю ходить лошадью и нанимаю удалённо учительницу вдвое дешевле, проверенную моими коллегами, зная, что новенькая, ну типа просто помогает учить английский. Она даёт выговориться, следует плану учебника, присылает задания, играет роль классного руководителя. Проходит пара уроков и я понимаю, что и это не то. Я не могу со своим бекграундом просто ехать по рельсам в эконом классе без лихих поворотов и въезда в тоннель. При том, я бы хотел ещё ехать зайцем и пересесть в первый класс. Такой опции у новой училки нет. Сравнивая её скуку с подкастами, статьями, своими интересами и с уроками Ольги, становится грустно как по дороге в школу в 1990-м году. Совмещать двоих не самая простая задача и вряд ли пойдёт мне на пользу. Домашнюю работу уж точно я не сделаю. Где же ты мой идеальный преподаватель? По всей видимости это я сам и есть. Ковырял же как-то испанский и немецкий, соб-

ственно и английский выучил без педагога. Мои запросы и степень креатива не позволят мне найти идеального репетитора. Я перерос это всё. Хочу читать и слушать только то, что мне интересно, а не то, что нужно для заполнения пробелов в грамматике. Хочу быть в центре, центром своего самообразования. Я, я, я. Такие дела. Мне не уйти от этого «я», делаю всё не так и вместо учебника читаю BBC Worklife и Pubmed. Рационально полагаю, что останусь с новой учительницей, чтобы она как поводырь довела меня до моих слабых мест и мы вместе на них посмотрели и повздыхали. Но долго я с ней вздыхать над утраченным не стану. Надеюсь эти две учительницы дадут за следующие месяц-два достаточно потенциала чтобы я далее был на заочном самообучении. Цель по улучшению английского оставлять не собираюсь, не смотря на возможное альтернативное решение этой задачи. А именно выдумывание собственного образовательного велосипеда.

* * *

Снова всей семьёй в Смоленске. У наследницы каникулы, у меня микроотпуск, который вместе с мужским праздником февраля даёт всем целую неделю отдыха. Птице Чаку и псу Альбусу привычна смена места. Первый смотрит в новое окно, второй разлёгся на прохладной плитке в кладовке у холодильника. Здесь мы экономим на зубах, стрижке-покраске волос-ногтей, продуктах для людей и зверей. Полу-

чаем удовольствие от просмотра телерекламы, которая для нас всегда кажется новой и интересной после пары-тройки недель в безтелевизорной московской квартире. Удивляемся ошеломительно нечищеным дворам и колее глубиной больше колеса, расположенной на вполне важной проездной дороге. Бьёмся днищем раз десять начиная с центральных улиц и продолжаем просить прощения у машинки в родном дворе. Повышение цен добралось уже и сюда, что особенно заметно на штучных товарах вроде любимого женой пирожного «Наташа» или тортах. Рост в 20-30% в порядке вещей. Покупая пиво для папы к 23-му, отметил, что кажется алкоголь подорожал мало или вовсе нет. Святое. Вместе с рекламой в нашу семью влетает политика и спорт. Олимпийские игры впервые в жизни не смотрел абсолютно. Не знаю ни даты начала, ни кто и что выиграл, только город Пекин и что-то про серебро в хоккее. Равнодушие. Спорт полностью слился с политикой. Интересует только кровавый мордобой по каналу «Боец», где откормленные мужички с бородами и татуировками размазывают кровавые сопли по пластиковому покрытию. Бой без крови не интересен, переключаю. Только вот эта искра, вот эта дикость важна. Её-то и нет в спорте из телевизора, в Олимпиаде. А вот у этих бандерлогов есть, они живые, они падают и встают, были бы силы, они бы уже орали друг на друга, а так столько молча бьют и хватают. Не видел формы наших олимпийцев, не видел флага, не знаю как выглядели медали в этот раз, никому и не советовал

смотреть. Но вот с приездом в город-герой маленькие отрывки олимпиады ввалились к нам в кухню через «LG». К сожалению, пришлось что-то почерпнуть про обиженную Россию, про какие-то итоги, надеюсь забыть к утру. Вот политику не забыть. По всем каналам судороги, бессовестность, пародия на журналистику. А мелким шрифтом в бегущих строках тем временем, красным, таким совсем красным цветом, падение акций всея Руси и зелёным отчего-то рост цены на доллар и евро. Каждая такая строка – это снижение моего качества жизни, благополучия моей семьи, риски остаться без сбережений, работы, радости. Я так немного хочу от власти. Чтобы соблюдались уже существующие законы, чтобы общее благополучие росло, чтобы была уверенность в завтрашнем дне. Для этого я хожу на работу, ничего не нарушаю, кроме редкого греха режима скорости на трассе, всё уважаю и за всё голосую. Мне всё равно в каких конкретно границах будут радоваться мои жена и дочь, и как будет фамилия президента. Я готов закрыть глаза даже на какую-то коррупцию, казаков и всю эту РПЦ. Мне не нужен ни Донбасс, ни Навальный, ни Крым, ни флаг на Луне. Я готов частично отказаться от бесплатного образования и медицины на какой-то критический период. Я могу и хочу приносить пользу людям, получая взамен улучшение жизненного статуса. Но нет. Чтобы ни происходило во вне или внутри страны, всё делает меня более подверженным стрессу, снижает мои доходы, создаёт риски для будущего близких. Почему

наша власть не обеспечивает того немного, что я прошу? Почему она никогда не справляется с этими страшными врагами, не думает обо мне и не развивает внутри здоровую среду. Люди – идиоты, пандемия очередной раз показала, ими же так просто управлять. Но всё летит в пропасть который раз. Не хочется писать про это. Чутьё подсказывает, что впереди ещё много разочарований. Здесь в Смоленске отчего-то это сильнее прилипает. Погода, серый снег, колеи эти, брошенный мусор в лифте, бычки под балконами. Как будто никогда не будет лучше. Ничто не станет иным. Театр дрянной. Пиво разливное вместе с головной болью от него. Курят все. Соседи сверху ходят по дешёвому ламинату без звукоизолирующей подложки на высоких каблуках после 22:00... Телевизор выкладывает мне на стол проблемы которых не было бы, если бы хоть кто-то решал предыдущие проблемы. Я могу реже включать газовый котёл и реже покупать парфюм и мясо, но я не могу смотреть на этих людей за окном и в телевизоре. Они крадут моё будущее.

* * *

Накануне гендерного праздника, к которому я всегда относился как к чужому, двое мужчин выдвинулись в сторону Москвы. Не помню, чтобы я когда-то праздновал 23-е февраля. Объяснял я себе это неуверенно. Немного тем, что я не военный, немного тем, что и семья у меня не связана с этим

странным трудом, ещё немного тем, что скромное празднование 23-го как бы защищает меня от вопросов по поводу 8-го. Если мои подарки и забота на восьмое не угадывают, то на 23-е я вовсе ничего не жду. Так было с детства. Что-то глубокое во мне отвергло этот праздник, особенно, когда он отмечался именно как день военных. Ознакомившись с историей этой даты, вопросов появилось много. У них, у военных, должен быть какой-то профессиональный праздник, безусловно. Всё же принадлежать к нему только по наличию маленькой запятой на том месте, где у женщин полноценный икс, я не хотел. Единственное что мне нравилось в 23-м, это возможность что-то приятное сделать для отца, зайти с подарком, обнаружить повод для разговора. Он и в армии служил, и мужчина на 100%, дом, сын, дерево, все дела. После того как я побывал на флоте в качестве помощника слоняющихся по базе военных врачей, я нашёл для себя новую формулу уклонения от 23-го. Я начал шуточно отмечать День ВМФ, который, расположившись в конце июля, оставался незамеченным друзьями, родственниками, растворялся в отпусках, подготовке ко Дню рождения жены, плавился под загарным солнцем на Олышанском карьере и забывался в конечном счёте. Так моё 23-е переехало в июль, а оттуда с редкими подарочными носками съехало в небытие. Мне оказался совершенно не нужен мужской военный праздник, моему мироукладу, моей гендерной идентичности. Неоднократно в разговорах с коллегами я высказывался против та-

кого большого числа выходных дней, как экономист в кавычках, против подобных праздников, как культуролог, тоже в кавычках. Выходной сам по себе был приятен, я лукавил. Замечательно я собирался провести и этот выходной 23-го, в мужской компании, но без отсылок к войне, полу и точно уж не как противопоставление 8-му. Я, а вернее сказать мы, собирались просто отметить абстрактный праздник. Просто быть в выходном дне без работ и забот, и всеми силами тащить эту нечаянную выходную среду к вполне ощутимой выходной пятнице, а там уж и библейской выходной субботе, и воскресенью. Мы. Двое мужчин, что выдвинулись в сторону Москвы. Мы это мой друг Олег и я. Мы, это пара образованных здоровых мужчин, которые решили как-то, что для жизни им не хватает ярких путешествий налегке. Заимев к 40 годам немалый опыт египетских пляжных страданий и турецкого обжорства, разбавленный замиранием сердца от европейской готики и магазинов ОАЭ, однажды, без особых мук и споров мы решили. Нам для роста духовного и для удовлетворения быть собой необходимо иногда путешествовать без семьи, по собственному маршруту, чтобы потреблять красоту мира и расслабляться вдали от наших стрессовых работ. Быть в среде чужой, но дружелюбной, без баулов и готовых туров, с руками в карманах бродить вдоль шедевров архитектуры, кушать лучшую местную кухню, как во всех этих бесконечных гастрономических передачах, наблюдать людей, сравнивать. Конечно для первого раза мы

выбрали самую красивую красоту и самый лёгкий способ. Европа. В год перед Ковидом Олег и я провели сногшибательный тур по Германии, Бельгии и Нидерландам, посещая по 1-2 города в день. То, что происходило в Амстердаме, как говорят в одном фильме, останется в Амстердаме. Но однажды испытав кайф самостоятельного путешествия, уже сложно вернуться к турам, к обязательке трансферов и отелей с включённым картофелем фри. Мы сразу и тяжело подсели на наркотик бюджетного яркого чуда – самостоятельного путешествия по Европе. Месяцами мы вспоминали маленькие отличия при пересечении границы Бельгии и Голландии, места съёмок фильмов, вафли и «Лёффе», глубокий расслабон в душе и воздушность перемещения на электричках меж стран и народов. Второй забег в Европу украл у нас коронавирус. Франция, Испания и Португалия не дождались нас. На память о себе они оставили частично оплаченные отели и нашу досаду. Нам передали привет в форме нескольких сертификатов за отменённые полёты, что сейчас стремительно стремятся к истечению срока годности. Ковид затянулся, после пятой волны, стало ясно, что скорее авиакомпании обанкротятся и истекут эти дивные бумажки, чем мы их отоварим в следующем путешествии. Олега, как и меня, чуть не сломало это ожидания открытия границ. Память сделала нашу поездку в Бенилюкс идеальной. Забылись мелкие проблемы, потери, осталось светлое пятно счастья, самостоятельности и приключений достойных Мюнхгаузена. От-

ступающий 2021-ый дал понять, что вот-вот. Мы набрались смелости и влезли в окошко Европы между строгих ограничений по вирусу и здравым смыслом запланировав на период 23 февраля посетить Будапешт и Братиславу, с возможной опцией на Вену. Так сложилась моя карьера путешественника, что в тех местах я был не раз, жил даже по 3-4 дня и не забыл ни культуру, ни географию. Я мог бы стать отличным попутчиком для Олега, показать без карты все точки счастья. Не хотел поначалу снова Будапешт, ждал и надеялся на открытие границ более для меня привлекательных, но наблюдая за ситуацией в «LG» пошёл на поводу логики и Олега. Съездим сейчас сюда, а в новое место для обоих позже. Когда уж железобетонно будет весь мир снова другим, а после санации омикроном ещё и безопасным хозяином, добрым трактирщиком, что приютит нас. Шкода обогнала фурумуравьев, тащащих личинок роскоши из Литвы в Москву, сделала музыку тише, потому что мы с Олегом беспрестанно разговаривали. Дружба наша основывалась на общей работе в хирургии, общем ВУЗе, общем городе, знакомых, интересах, детях одного возраста. Различали нас немного сфера работы и также тараканы в головах жили у нас разные. В последние годы Олег оставался практикующим специалистом, видел страдания пациентов, руководил врачами и сёстрами, ночами не спал, постоянно принимал звонки пациентов, менеджрил госпитализациями и анализами, производил впечатление востребованного доктора. Я же ушёл в теорию, в

разработку лекарств, в смычку между бизнесом и медициной, перестал считать себя хирургом, но всё ещё оставался глубоко в теме. Встречи наши с Олегом стали редкими, оттого накануне отлёта мы разговаривали и разговаривали, перебирая файлы всем знакомым и неизменно заканчивая каждый блок беседы хирургией или нашей прошлой поездкой в Европу. Где-то между Сафоново и Вязмой, впрочем, соскочили мы на тему политики. Высокая тревожность была во всех ящиках и патриотах в связи с ухудшениями в Донбассе. Наши проводили учения, пугали Запад. Запад боялся и предсказывал дату войны с Украиной, не забывая переносить её каждую неделю на новый срок. Это было более чем забавно. Мы всё перед поездкой послушали, все источники почитали и убедились, что абсолютно не о чем беспокоится. Наш МИД и все авторитетные говоруны в один голос сообщали, что Россия войны не хочет и полная глупость полагать, что это будет ещё и война с дружественным народом-соседом. Выдохнув, мы погрузились в Шкоду и помчались в столицу. В нашем городке нет аэропорта по совокупности исторических причин и хронически слабой местной власти. Но разве это трудно, отвести друга в аэропорт, обсудив по пути какой гуляш и какое пиво нас ждёт в этой самой милой Европе. Мы не ехали, летели. Собирали по пути штрафы за превышение скорости в населённом пункте, за превышение средней на участке трассы. Каждая минута, отделявшая нас от приключений, была в тягость. Смеялись и выключили му-

зыку совсем, она мешала нам. Главной шуткой было то, что Венгрия дала мне в эту эпоху Ковид суперлимитированную визу, с единственным въездом, только на наши 5 дней. То есть если мы напьёмся где-то в Словакии и сядем нечаянно на поезд в Мюнхен вместо Будапешта, откуда улетаем, то будет весело и стыдно на таможне в Шереметьево. У Олега такой проблемы не было. Его виза старая доковидная истекла в мае, так что я рисовал ему перспективы посмотреть десять стран без меня, когда злое таможенное право поймает и эвакуирует меня в Москву. Олег конечно не хотел ничего делать без меня, уверяя что у нас такая насыщенная программа, что 5 дней будет как до мая. Московское моё жильё встретило нас пельменями, квартира притворилась холостячкой, раскидала тряпки и тапки. Говорила, давайте быстрее уже ложитесь спать и уматывайте утром в небо. Не привыкнув терять ни минуты во время приезда дорого гостя мы с пельменями в животе вдвинулись в театр. Нагружать всё свободное время, делать себе челлендж из ничего, это моя специализация. Нас ждал мюзикл «Шахматы» и пересадка на новейшей ветке метро, что я торопился показать Олегу. Но и до ветки гордость моя, москвичская, не давала молчать. Я комментировал какие чистые и свободные от снега и льда у нас во дворах дорожки. Новый микрорайон с отличным ЖКХ. В каждом дворе по утрам работает без преувеличения по пять дворников и по два трактора: маленький шустрый и большой синий, что постоянно задевает густо припарко-

ванные машины. После смоленских дворов с колеёй по колесно и гроздьями рассыпанных старушек с переломами шейки бедра, мой московский двор казалось перенёс нас из февраля в апрель. Ни песка под ногами, ни сосулёк над головой. Путь к метро свободен как летом. Мы, в уже облегчённой обуви ради поездки, сразу почувствовали эту весну в добро ЖКХ. При одинаковой со Смоленском квартплате этот приятный бонус заставлял меня любить мой район ещё больше. Впечатления от новой ветки, название которой ещё не уложилось у меня в голове, я пытался передать Олегу. Возможно для него все ветки в Москве одинаковые. Для меня же, пересадка на Мичуринском вызывает приятные эмоции. Гарантированно оказаться на просторной станции, оригинальной и не похожей ни на какую другую, сесть в полупустой новейший поезд, зарядить телефон через USB в вагоне, это то, что я хотел. Пересадка с новой на красную, например, после тихой и комфортной езды ещё больше подчёркивает контраст богатой новой ветки со старыми. Это как в театре, встаёшь из позолоченного кресла, идёшь в туалет и там оказываешься словно в школе, среди квадратиков кафельной плитки, треснутых стёкол, неопрятностей всякого вида. Поражаешься контрасту светлого зала с канделябрами и этого пионерлагеря 30-х годов. Тёмная, громкая, туго набитая красная притащила нас на Фрунзенскую к Дворцу молодёжи. С Олегом мы исправно носили маски и протирали руки. Уж нам-то знаком Ковид. Вокруг было удивительно безмасочно

для Москвы, словно мы случайно попали в питерское метро. Тут мне не удалось подметить для Олега высокую московскую культуру. Будучи в метро редко, я и сам обалдел от такой смелости. Ранее подземка здесь была образцом масконошения. Мюзикл, казалось искусственно вставленный в наш плотный график, напоминал нам о главной миссии – поездке в Будапешт. По сюжету оказалось, что героиня из Венгрии, а её отец в советском плену после 1956. Атмосфера сцены, противопоставление СССР и США легли на новости последних дней. Показалось недобрый совпадением, что конфликт систем мы видим именно в эти дни. И совсем не лирическая линия стала первой, а долги перед родиной и работа КГБ. Мюзикл неплохо пошёл бы в 90-х. Сейчас всё мне показалось натужным. Радостно было только за современные интерактивные экраны-декорации. Для меня в вопросе мюзиклов, к которым я ещё пять лет назад относился с презрением, был один поворотный пункт. Я посмотрел «Анну Каренину». Эта постановка пробила мой скепсис и подняла планку мюзикла на недостижимую для большинства театров высоту. После такого, «Шахматы» показались лишь новой работой в жанре. Пожалуй, «Анна Каренина» надолго испортила мне походы по мюзиклам, хоть я и посещаю все премьеры. Перекрыть это впечатление вряд получится скоро. Это шедевр в отрасли и он замечательно пристроился во мне, в знатоке творчества Толстого. Ещё одна черта «Шахмат» мне резала глаза. Это полное отсутствие юмора. Музыкальный театр без

этого всегда проигрывает. Олег не полностью согласился со мной. Но мы в перерыве всё же сошлись на том, что судья поёт бездарно, всё очень клишировано и весьма ненатуральна лирическая линия. Как бы подтверждая эти слова по холлу прогуливались московские ненатураны. Крупные седеющие мужчины с миниатюрными молодыми людьми, отчего-то в белых рубашках. Сидели они затем в первых трёх рядах и напоминали заслуженные пары пенсионеров, что регулярно берут театральные бинокли. Мы же дурачились с интерактивной витриной, пытаясь приобнять виртуальную Стоцкую для фото. Она, зараза, выходила на экран к нам по-разному и в разных одёжках, так что мы не успевали адаптировать положение своего тела для лучшего снимка. Но не на тех напали. Спустя несколько попыток получились вполне весёлые фотографии. Только вот нарисованная Стоцкая на них была ярче и значительно контрастнее чем каждый из нас. Как будто это она настоящая, а нас пририсовали грубыми пикселями. Это у неё в зазеркалье реальная жизнь, а мы никак не выйдем с той стороны зеркального стекла. Улыбаясь от постоянных отсылок спектакля к теме Будапешта и конфликта между сверхдержавами, мы довольные вышли в холод и ветер. Ужин провели в «Моремании», наелись великолепно, лелеяли своё светлое будущее.

Всё было гладко. Родина отпустила нас легко. Миниатюрный такси «Поло» вместил нашу широкую душу и открытую настежь приключениям грудную апертуру. Шереметьево был самым обыкновенным. Нигде и никто не создал нам неудобства и препона. Возможно впервые в жизни мы сразу пошли на контроль поскольку не поленились зарегистрироваться и распечатать посадочный. Было забавно пройти мимо огромной очереди с чемоданами, прыгнуть сразу к паспортному отсеку со своими пустыми рюкзаками. Там, впрочем, была заминка из-за большого числа детей в очереди перед нами. С детьми у таможенников сложные отношения. Поднимите, поверните, достаньте, покажите доверенность и всё такое прочее. Похитить русского ребёнка невозможно. Таможня бдит. Людей было много и создалось отчётливое сияние «всё как раньше». Будто и не было этого вируса. Будто не ждал я этого заграничного полёта в Европу более 2,5 лет. Мы улыбались под прилежной маской, но сняв её для таможенника уже не торопились одевать. Мы вырвались из пяти волн коронавируса к красивой заграничной жизни, к лёгким людям, к беспечности, к нашей традиции путешествовать без семьи, налегке. И всё вдруг стало интересным как в первый раз. Полки с алкоголем, с парфюмом, едальни и сиденья в углах. И туалеты показались блистательно чи-

стыми, а люди аккуратными и модными. И опаздывающие на рейс забавными, и ждущие долго расслабленными и отдохнувшими. Всё было как в доковидные времена. Глаз привык не замечать маски на лицах, всё остальное никак не выдавало лимитированное время. Время было нашим, безграничным и пять дней впереди казались морем радости. Сели, взлетели, поели. Ланч на высоте 10000 метров всегда приятное приключение. Когда уже немного устал и нужна бодряя пауза, бац, тебе приносят напиток и бутерброд. В этот раз инновация, большой бутерброд был горячим будто микроволновка находилась прямо в раздаточном столике. Приятно кушать горячее, запивать чаем с лимоном, смотреть в окно на облака. Живот принимает всё легко и время проходит ещё немного, ещё сокращается сидение и ожидание. Олег, любитель дорогих штучек и всякого качества, отключился на время вставив беспроводные наушники. Я ещё не прикоснулся к этим девайсам и задумался не купить ли. Такая мелочь, всё же можно купить и всем пользоваться. Пора уже перестать жадничать для себя. За ковырянием самолётного журнала застала посадка. Олегу показалось, что нас трясёт существенно больше обычного. Турбулентность, о которой так часто говорят по связи, а потом ничего не бывает, случилась. Но мне показалось, что он преувеличивает. Трясло совсем чуточку. За всё время перелётов я ни разу не был в ситуации страшной, связанной непосредственно с самолётом. Все рассказы коллег о невероятных кульбитах, падаю-

щих чемоданах считал и считаю сказками, хоть и вижу, что железные птицы иногда падают на землю вместе с людьми. Весь негатив, что я видел сам более чем за сотню полётов на деле был комичным. Например, как нас с коллегами вывели из салона перед самым взлётом из-за того, что в ответ на замечание об огромной ручной клади одному чеченцу от стюардессы, ещё пятьдесят чеченцев покинули самолёт. В салон пришла собака с кинологом. Мои страшные истории о полётах – такие, забавные. И даже если в этот раз чуточку потрясло, сели мы гладко и своевременно. Паспортный контроль за рубежами нашей страны всегда проходит куда как дружелюбнее, чем на обратном пути в Шереметьево. Люди улыбаются, приветствуют, на английском могут спросить что-то простое. Когда пересекаешь границу Германии, обычно спрашивают цель визита, дают выговориться, когда сообщаю им о невероятных красотах, что хочу увидеть, куда сходить и как долго ждал этой возможности. В Лондоне на контроле и вовсе театр. Очередь подводит не к бронированному стеклу с мини окошечком, а к реальному дядьке, что стоит за стойкой и взяв твои документы начинает неспешный разговор. Как бы дружеский, откуда-куда, кто тут вас ждёт, что видели в прошлый раз. Но расслабляться в этом интерактивном театре не следует. Тренирую выдержку и вежливость, улыбкой и информацией покупаю право преодолеть заветную черту. Дядечка соглашается, что и в Гринвич нужно съездить, и по старинным пабам пройтись, желает удачи. В Будапеште

не ожидалось такой игры, просто окошко. Опасения вызывало требование по Ковид. С Олегом мы держали в руках не только паспорт, но и распечатанный с госуслуг сертификат о прививке Спутником. Венгрия, в угоду каким-то политическим играм президентов признала осенью нашу вакцину и это, собственно, открыло нам путь в Европу. Только благодаря такому решению, Олег и я смогли начать мечтать продолжить наши экспедиции и в итоге оказались здесь. Служащий на контроле с почтением взял сертификат на английском, посмотрел на QR-код, кивнул и открыл нам калитку. Удивительные венгерские таможенники могут считывать QR без специального оборудования. Посмотрел – кивнул. Возможно в нашей очереди у половины был код от курицы из «Ашан», но уже не время городить стены. Европа открывается. Омикрон уравнил всех ещё более, не следует тормозить туристов. Они принесут только благо и только деньги. Шаг за черту и мы уже видим первый магазин «Spag». Олег покупает первый сувенир чтобы отметить наш прилёт. Шаг за черту и вот мы уже видим автобус 100E, что отвезёт нас точно в центр, точно к нашему отелю. В спешке покупаем в автомате малюсенькие билетки, торопимся к автобусу. Успеваем за эти 20 метров вспомнить, что Венгрия – родина «икарусов», транспорта нашего детства, успеваем понять, что билет надо где-то валидировать, припоминаем про штрафы и контролёров, о которых пишут на форуме, отмечаем тёплую погоду, отсутствие снега, время для нас меняется. Мы за мину-

ты успеваем столько увидеть и обсудить, сколько не могли за дорогу от Смоленска до Москвы. Держа крохотные полоски билетиков, вот уж действительно забота о карбоновом следе, упираемся в торжественную тётю перед входом в автобус. Она улыбается, молчит, как человек, понимающий, что все рядом иностранцы, держит в руке что-то вроде степлера. Это мимишный компостер билетиков. Протягиваем, получаем в ответ дырочку, садимся. Малые признаки милоты западной страны. Компостер в руках контролёра. Непонятные деньги на сдачу с евро в супермаркете. Сразу несколько разных языков вокруг нас. Лицом ко мне сидит пара англоговорящих, где-то позади немцы. Справа два огромных угрюмых лысых мужика. Похожи на украинцев из фильма «Брат-2». Молчат пока. У одного замечаю на сумке нашивку польского флага. Вслушиваюсь. Речь славянская, похоже поляки. Катимся и смотрим в окно. Бедненько и не очень чистенько. Через 15 минут уже веселее. Настоящая черепица на крышах пригорода, торговые центры. Скромно, узко, напоминает российскую провинцию. Ещё 15 минут и многоквартирные дома, а за ними церкви, дворцы и все атрибуты центра европейского города. Собор-ратуша-рынок. Реки не видим, но чувствуется что она рядом. Все улицы стали параллельными чему-то, все фасады смотрят на север, там, за почти питерскими четырёхэтажками течёт Дунай. Приближение к центру увеличивает яркость солнца, число людей, шум и цену попутных авто. Конечная, выходим чтобы начать наши приключения.

Отель был выбран давно и я, признаться, позабыл что там внутри да как на этих красивых картинках из букинга. Оказалось, что отель является встроенным в массив дома отелем-апартаментами. То есть по сути, квартирами в длинных коридорах, с балконами и внутренним двором. Ресепшн на пятом этаже был просто комнатой коменданта этого общежития, который выдавал ключи, работал ограниченное количество часов. Сами наши апартаменты были трёхместными, с кухней, просторной комнатой, балконом и прихожей слитыми в единое пространство. При грамотной расстановке кроватей здесь уместилось бы и 4, и 5 гостей. Первым делом мы с Олегом весело растащили одну высокую двуспальную кровать на односпальные. Как поссорившиеся геи тянули в разные стороны спинки и матрасы. Убедившись, что у каждого теперь есть по собственной тумбочке, фонарю, одеялу, всё остальное место закидали своими вещами. Очень порадовал огромный холодильник, что принял наше первое подношение. Двухлитровую бутылку воды и начатую поллитру «Палинки». Были бы с нами жёны, порадовались бы стиралке, сушке-стиралке, сушке металлической на ножках, утюгу, фену, шести ножам и трём видам бокалов. Но нам было откровенно некогда смотреть эти мелочи, мы обувались и выбегали в город. Будапешт без снега, без мороза, с его 12-ти градусной весной, подкреплённой 45-градусной «Палинкой», по любому был ярче и лучше наших тонущих в серо-жёлтом снегу всё ещё по-февральски морозных Смолен-

ска и Москвы. Не на чем было поскользнуться по выходу из отеля, не было «хукалок» при дыхании, вязаная шапка уступила голову кепке. Началось сказочное путешествие со всеми атрибутами, что бывают в путешествиях: вкустосями, ахами от красоты и спонтанным шоппингом. Венгрия отдалась нам и подстелила все красоты под наши кроссовки. Мы посмотрели и потрогали всё. Это был прекрасный отдых, мечты сбылись. Это были дни радости и добра. Сутки сытости и беготни по горам. Мы практиковали отдых 80-го уровня.

* * *

И вдруг, вся глубокая детализация происходящего завершилась. Нечаянно позавтракали в «Старбакс» и были пойманы интернетом в сеть. Площадь перед собором Иштвана заливалась светом, огромный кофе кипел в стакане с надписью «Wlad», мы были голодны и веселы, телефон давился свежими фотографиями рассвета над Рыбацким бастионом, а у нас оказывается полдня как началась война. Страна наша любимая, очередной раз выкинула фортель, родила новость, что не даст нам ни один никакой самый вражьиый враг. Спокойные годы благополучия, роста, выбора домика на «Авито», выбора отпуска в Европе, выбора платной или зарубежной учёбы для дочки завершились. В это утро у меня, у нас украли будущее. Всё в Будапеште сделалось дру-

гим. Утром в непрогретом воздухе, с холодными пальцами и ушами радовались мы с Олегом богатству кафешечек, бесконечности местного фуа-гра, острых колбасок. Прогулки по пустым паркам с огромными бронзовыми конями, реально стадами, стоящими на высоких постаментах в честь легендарных венгерских вождей, приведших чудный народ из неведомых далей прямо в сердце Европы изменились. Цепляя тут и там вай-фай мы содрогались от событий, видели доказательства настоящей большой заварухи, но выдыхали и шли к очередному мосту. Днём мы улыбались в малюсеньких вагонах древнего метро, скрытого всего два метра под землей, переходили к замкам и рынкам. Садились за стол с гуляшем. Дивились местной привычке не спрашивать сколько порций гуляша мы хотим. Официант, услышав слово «гуляш», убегал и возвращался с глубокими пустыми тарелками на обоих. Сначала я негодовал про себя, платить за двоих, а вдруг только один хотели заказать. Тем более, сидели мы в самых туристических дорогах местах. Но с возвращением официанта вся нервозность и чувство, что тебя-русича приобидели венгры улетало. По центру стола ставилась огромная кастрюля гуляша, которая и была этой единственной порцией, а количество тарелок роли не играло. Кормили на убой, как поросёнка перед Пасхой, мы черпали и черпали из бездонной кастрюли, успокаивались и откидывали сытые тела на спинки кресел. Днём мы видели рестораны-пещеры, с сеном на полу, с хрусталём, с дичью, мы посетили

всё, что захотели. Но рука не выпускала телефон и хотелось больше пива, чтобы отвлечься от растущего курса валют, от упущенных возможностей. Вечером отягощённые шопингом заглядывали уже в продовольственные с целью алкогольного трафика. Тянули в отель отвисшие пакеты и в спустившейся тьме окончательно нагоняла нас перемена. Нерв. Волнение за всякую мелочь, за будущее, стыд и возмущение, смесь всех эмоций и извечное «да уж...» в конце. Вскоре получилось у нас направить энергию беспокойства во вполне конкретное место. Пришло осознание, что закрытие неба над странами вокруг Украины закрывает нам возвращение в Москву. Тем более, «Урал» кидал нас и ранее с сертификатами, виза моя истекает послезавтра, беженцы будут в городе уже утром. Между дегустацией токайского и доеданием хлеба я стал покупать-менять-продавать авиабилеты чтобы гарантировать нам возвращение раньше и с надёжным «Аэрофлотом». В какой-то момент на руках было три разных обратных билета. Деньги перестали быть сдерживающим фактором, они стремительно превращались в бумагу или даже просто в виртуальные цифры. Настоящую цену имело только возвращение к семье, работе, туда в казарму, что нам так мила. К позднему вечеру нерв стихал, письма с билетами грели душу и мы находили в себе силу выйти в город фонарей, посетить ещё одно знаменитое место, вроде кафе «Жардо». Там я испил самый крепкий двойной эспрессо в жизни. Он включил мои неработающие 90% мозга и ускорил 10% рабо-

тающей части. Моментально оказал диуретический эффект и в этом почти наркоманском приходе я окончательно понял, что мир уже не будет прежним. Высота потолков «Жарбо», гравировка и печати на деревянных стульях «Жарбо», тяжёлые портьеры и сладкий «Эстерхази» в «Жарбо», всё, совершенно все вещи стали чужими. Прежний мир покидал меня. После возвращения в Москву лучший способ сохранить рассудок будет отключить интернет, иначе можно будет сойти с ума от противоречий в собственной голове... Сильный кофе в «Жарбо». Мы попытались сдать билеты в Братиславу, которая на венгерском называется совершенно не так, неудачно попытались. Они оказались невозвратными, я запихнул их на видное место стены объявлений при входе в билетную кассу. Девочки перед нами покупали билеты в Варшаву, на любой ближайший поезд и переговаривались по-украински. Пытались вернуться с каникул? Мне уже было всё равно. Наплевав на устои культуры, мы пили на ходу пиво из банок и делали последние видеозаписи для нашего любительского фильма «Что такое Будапешт?». Будапешт – это сладкая булка с корицей за два евро, что уже никогда не поддержишь в руках больше или не принесёт она тебе такое удовольствие больше никогда. Потому что сплотила Россия мир против себя, а заодно и против тебя. Но сегодня булка ещё греет ладони и мешает пить пиво. Булка, посыпанная всем, что можно купить на распыль оставшихся красивых местных денег с птичкой на обложке.

Утро отъезда из Венгрии было солнечно-морозным, в такт нашей крови, что леденила пальцы. Волнение прятали, занимаясь планированием. Придумали забрать один комплект ключей от апартаментов на случай неприлёта самолёта, будет где жить-продлевать. Зарядили всё зарядимое. Рассовали наличку по карманам. Взяли воду. Неожиданно выбрали такси. Совсем не как в первый раз, три назад мчались по горкам и брусчатке Буды с разговорчивым водителем. Теперь ехали по плоскости Пешта в тишине, обгоняли автобусы, подмечали некрашенные заборы и серость ранней весны. «Урал» всё ещё присылал какую-то автоматическую беллиберду, про то, что нас ждёт комфорт и покой на борту. РБК сообщало, что из 4 рейсов 3 не прилетели, а конкретно «Урал» и вовсе можно было послать в горы. Стресс на час ушёл в дьюти-фри. Броуновское движение и потеря контроля при трате денег. Деньги менялись каждый час, наши рубли стоили неизвестно что, курс евро перевалил за 130. С Олегом нам было легко выбирать товары, напитки, недокупленные и недорассмотренные в городе. Ничто не имело значения кроме желания что-то увезти на память, как мы полагали, из нашей последней поездки в Европу. Но магазины закончились и пришлось томиться в креслах у гейта. Прибывающие русскоязычные были нервными и молчаливыми. Толь-

ко одна пара, мама и сын-подросток, оба с армянской внешностью, на чистом русском ругались на чём свет стоит. Прислушиваться было не нужно, все в полупустом участке терминала сочувствовали маме. Этот грустный терминал изолировал нас от прочих иностранцев, Венгрия поскорее хотела отторгнуть нас в небо. Будто россиян отсадили в гетто пустого холла. Только вот самолёта всё не было. Сын зависимый от игр и денег, мотал маме нервы и довёл до обещания никогда с ним не ездить в Европу больше и выбросить в окно приставки и прочее. Несложно это будет сдержать, похоже. Сын часто перебивал, вставляя какие-то нелепые аргументы, указывал, где мама была не права и как она ошиблась при регистрации на рейс и ещё где-то и как-то, от этого всего хотелось помочь этой маме и просто прибить подстрельша. Внезапно наступившую у них тишину в брани прервал телефонный разговор большого дяди, что сбивчиво объяснял, что не знает во сколько прилетит, всё сложно. Тут же прямо за нашими спинами подскочил с виду умный мужчина в очках с огромным ноутбуком и громко сообщил, что дядя невнимателен, не следит за информацией, что улетим мы во сколько-то, а прилетим во сколько-то, надо же смотреть. Дядя вяло поблагодарил. Нервный с ноутом присел и стал листать яркие страницы в интернете с бешеной скоростью. Он не понравился нам с Олегом однозначно. Подскочил, как забывший принять таблетку, на дядю наехал. Все нервничали молча, а тут такой выброс. Кроме того, интернет у нас с Олегом

ловил ужасно и создавалось впечатление, что весь его взял на себя сосед в очках. Мы с другом переглянулись, списали всё на наши тревоги, пребывание за границей всё же повышает уровень любви к людям. Не стали обзывать ноутбуконосца дебилом. Наступила недолгая тишина. Сто человек ждали и молчали. Новый разговор, тихий, но всем слышный начался у самой стойки. Две женщины вслух, как и мы все каждый про себя, комментировали отмену массы рейсов в Россию и задержку одного единственного нужного нам. Пусть все другие не прилетят, пусть прилетит только этот. Слово «задержка» становилось таким страшным. Вдруг с виду умный мужчина снова подал звучный голос: «Какая задержка? Рейс отменён!». Все мгновенно среагировали, зрачки расширились и пульс стал чувствоваться даже в ногах. Мужчина с огромным ноутом вызывал доверие, поскольку вероятно, только что увидел информацию на сайте. Однако многие, мы в том числе, указали на табло, где написано «delayed», что означает задерживается. Повисла пауза между истерикой и всматриванием в табло, в том числе и очкастым с ноутом. В стрёмной тишине, он как ни в чём ни бывало сказал: «А, ну да, задерживается». Кто-то громко выдохнул, я скривил лицо, Олег сказал мне тихонько, что мол ещё секунда и двинул бы этому с виду умному, благо Олегу для этого нужно было всего лишь развернуться. Новая тишина, нарушаемая редким вставанием одного пассажира в туалет. За прозрачной стеной аэропорта самолёта не было. Прошло ещё около

часа. Вера в «Аэрофлот» нас не покидала и не зря. Хвост с трёхцветным флагом бесшумно махнул нам за стеклом. Редкие люди шли по коридору из самолёта и мы стали готовиться принять их места. Я предсказал Олегу, что с виду умный будет сидеть в самой заднице, лететь с толстой женой и дебильными детьми. Так и вышло, он постоянно к тому сверху ещё и бегал в туалет мимо нас, ум его и ноутбук не спасали от диареи или что он там ещё в себе таил. Стюард необычно по-взрослому предупредил нас, что полетим мы дольше, но всё будет хорошо. Больше комментариев не было. Салон пассажиров был готов на всё лишь бы улететь. Все люди за окном зала с чемоданами казались украинскими беженцами. Пристегнулись. Через час другой, а лететь-то всего 2 часа, Олег стал показывать мне в приложении авиакомпании как фигурка самолёта располагается над Европой. Мы не просто облетали Украину, мы облетали почти всё, что показывала карта, до Балтийского моря, по нему рисовали изогнутую линию до Литвы и там через Белоруссию в Москву. Сев и поймав сеть, мы убедились, что были последним бортом, кого пропустила Литва, предпоследним кого пустила Германия. К моменту посадки в аэропорту Будапешта скопилось уже 400 пассажиров «Урала» и ни одного самолёта в Россию... Дальше был алкоголь и рассматривание сгоревших танков в Тик-Ток, выдох и жизненный опыт. Утром я повёз Олега в Смоленск через вкуснейшую блинную, там, где встречаются Минское и Можайское шоссе. Нас всё не отпускало, словно

мы вырвались из злого сказочного леса. Мы комментировали мелочи жизни и обжигались кофе. Только на борту стакана никто не писал больше «Wlad».

Март.

Подслушанные тяжёлые разговоры жены и тёщи про её родственников на Украине. В Киеве, Чернигове и области находились три семьи, объединённые родством и тонкой ниточкой со Смоленском. Каждая сидела в метро, подвале и погребе. Каждая слышала грохот проезжающих колонн техники, дёргалась от взрывов. Они исчезали периодически из сети из-за перебоев с электричеством, связью, ловили интернет только когда выходили из подвалов-бомбоубежищ в квартирный туалет. Их позиции от «мы никуда не поедem» сменились постепенно на «мы уезжаем на Запад». Куда угодно, только не в Россию. Предложенная тёщей помощь, принять всех в Смоленске, не принималась. Куда угодно, только не туда откуда пришла война, забрав работу, дом, будущее, не в Россию. На 13-ый день они выдвинулись на автобусах в сторону Польши, надеясь достичь живущей там родственницы. Единственный мужчина среди них вынужден остаться, так как не принял повестку в военкомат и по сути прятался, за границу его не выпустят. Оказавшись на западной части вместо относительно мирной обстановки, они снова слышали ракеты и бомбы. Винница, что не значитя ни на одном новостном сайте, как место боёв, встретила их обстрелом. Дозвониться становилось всё сложнее. В трубке гул и грохот. Карты на новостных сайтах уже не отражали масштаб спец-

кошмара. Мои английские уроки прекратились. Преподаватель сначала уехала из Мариуполя, очень близкого к боям. Поселилась где-то в центре страны, вдали от военных объектов, мостов и электростанций. Написала, что планирует возобновить уроки. Это помогает ей не думать хотя бы час о ситуации, не листать новости. Но через пару дней она покинула и это место отправившись куда-то ещё. Новости, которым никто не верит, но все читают, сообщают о миллионах беженцев.

* * *

Замечательная по красоте сумасшествия история произошла в Смоленске в старой дочкиной школе. Знаю в художественном пересказе её бывших одноклассниц. Гагаринцы школы города-героя, такая пионероподобная организация школьников, проводили торжественное мероприятие в центре города. Их форма, белая с голубым галстуком, с белыми перчатками, организация и строй, выглядят свежо и дисциплинируют школьников ходить в ногу и стирать носки. После действия дети разошлись по домам, но знаменосец гагаринцев пошёл в школу чтобы сдать огромный флаг организации на таком же огромном древке. Этот девятиклассник свернул флаг детской организации как положено, положил тяжёлое древко на плечо и зашагал из центра в сторону школы, что находится в 15 минутах детских шагов от

центра. Флаг организации – голубой, с ярко-жёлтыми буквами на нём и портретом Ю.А. Гагарина. В свёрнутом состоянии он стал походить на жёлто-голубой флаг Украины. Когда мальчик проходил по улице на него стали обращать внимание, когда же он ни о чём не подозревая стал переходить дорогу напротив консульства Польши, кто-то вызвал полицию. Очевидно его сочли одиночным пикетом против войны, идейным украинцем или провокацией со стороны польского офиса. Мальчик ни о чём не подозревая, пошёл мимо польского флага дальше по улице в сторону школы удерживая на плече своей голубо-золотой свёрток. Полиция примчалась к консульству за минуту и начала гнаться за школьником. Тот испугался и помчался к школе стараясь не уронить флаг. Дети рядом, наблюдавшие за погоней позвонили учителю. Из школы моментально навстречу ученику выбежали учитель и директор школы. Пожилые женщины по гололёду на каблуках, толстые полицейские и мальчик с флагом вместе столкнулись где-то в середине маршрута. Последовала ругань, брань, жесты и эмоции, учителя пытались отбить знаменосца у полиции. Мальчик хотел бежать, полиция хотела работать. Финалом битвы стало демонстративное разворачивание флага на всю его ширину директором школы. С голубого полотнища с золотыми буквами на полицейских улыбалось лицо Юрия Алексеевича. Он всё так же ликом святого был выше этого гололёда, брани и политики. Полицейские ушли. Флаг вернулся в кабинет организации в шко-

ле. Как говорится, Юра, мы всё про****...

* * *

Мой день рождения прошёл как обычно в последние годы. Без гостей и выходов. Рабочий день, который я позволил себе провести вальяжно. Занимался только тем, что нравится, сложные дела оставил на следующий день. От коллег получил богатый подарок – сертификат на билеты в театр на 5000 и ещё 6300, остаток, перевели на карту. Это больше обычного, на одном месте служу шестой год, есть с чем сравнить. Людей стало больше почти вдвое, сдавать стали не по 200, а по 500 рублей. До этого рекорд был семь тысяч. Обилие звонков от друзей. Звонили даже те, кого я сам забыл поздравить с Днём рождения в феврале. Из-за поездки в Венгрию или просто вылетело, но они не забыли. Написало в мессенджерах и смс масса людей. Среди слов пожеланий мне бросились в глаза несколько неизменно повторяющихся формул. Многие говорили о том, что со мной интересно работать и общаться. Многие желали мне хорошего настроения. Если первое я ожидал, второе резало слух. Неужели у меня так часто плохое настроение, что многих заботит моя грусть. Не так часто, но очевидно, что заметнее, чем у других. Я не умею скрывать суть раздумий или не реагировать мимикой, эмоциями, аурой на происходящее. Я скор на реакцию, а поскольку часто вокруг происходит кринж,

краш и трэш, то и реакции соответственные в рабочей среде. Это нужно взять во внимание. Ближайшая тренировка моей уравновешенности и хорошего настроения состоится завтра, на неформальной встрече с коллегами по случаю обоих прошедших гендерных праздников. Дочь подарила смелый кулон из эпоксидной смолы, поделка с пальмой внутри. Неожиданно и приятно. Носить я её буду навряд ли, но. Это красиво. Пальма внутри берedit воспоминания о Кубе. Жена сделала великолепный подарок. Вместо всякого полезного и качественного, что обычно она преподносит, курьер привёз коробку мороженого «Чистая линия». Плотная упакованная радость. Достаём на всех, делимся, что может быть лучше мороженого? Звонившие-поздравлявшие не имели сами новостей, даже спустя год необщения, сложилось чувство, что скрывают. Новую работу, свои страхи из-за нынешнего кризиса, свой пессимизм. Я пока не научился сдерживаться в связи с рисками этой украинской истории и загрузил друзей. Пошла третья неделя перемен и всего, что последовало за. Я меньше читаю новости, меньше удивляюсь разнообразному негативу. Вижу весьма позитивные шаги правительства, которые продолжают пытаться сохранить что-то в нынешней катастрофе. Родственники жены по украинской линии за два дня достигли Варшавы, где живёт их дочь-племянница. Мужское меньшинство выехать не смогло, охраняет дом под Черниговым, от бомб, мародёров и соседей. Шлют теще страшные коллажи и видео клипы про войну, под статью

нашей пропаганде про зверства националистов в Донбассе. Последним в День рождения позвонил мой староста группы. Тоже работник фармотрасли. По-прежнему, как и двадцать предшествующих лет не похвастался ничем. Как будто, как и 20 лет назад живёт в маленькой квартире в Замкаде, звёзд с неба не хватает, ни о чём не мечтает. Как вообще можно столько лет хорошо работать в Москве и не показать этого, не упомянуть дом и машину, образование и отдых, инвестиции и всякую прочую чепуху. Талант. В шпионы ему пора. Каждый такой звонок чему-то учит меня, но не сразу доходит чему. Меня устраивает мой праздник. Будет грустно – поем мороженое. Природа тоже подарила чудесную вещь. Под ярким и греющим солнцем марта в Москве выпал снег, а температура опустилась до минус 12, минус 15 по утрам. Снег сковало словно бетон, все дорожки и дворы стали чистыми. Тысячапроцентная влажность и ветер делают выход с псом испытанием на прочность. Всё напоминает литературные крещенские морозы. Аномалия погоды, аномалия человеческого поведения. Природа всё чувствует.

* * *

Пытаясь меньше читать новости и осознавать весь смрад, что творится в мире, я сконцентрировался на конкретных потерях для себя. Потеря первая. Кондиционер для комнаты подорожал вдвое и выбор упал до трёх моделей доброт-

ных китайских поставщиков. До февральских праздников я лениво пытался понять, в чём же разница между всеми этими сотнями сплит-систем, готовился остановиться просто на известном бренде, топовой бандуре за 50000, что жене казалось равнозначным покупке позолоченного унитаза. Я просто так решил. Шиканул. После февральских я взял последний вариант за 55. Ни о каких «известных» и «позолоченных» речь не шла, он просто делал воздух холодным, не имел никакого имени и его установка подорожала на 100%. Я спросил было в шутку рабочих, про дрель, купленную 10 лет назад и кусок пластика со склада, явно приобретенного задолго до кризиса за три копейки. Почему их работа, но не моя зарплата, стала ценится в два раза выше. Они пожали плечами. Москва. Бизнес. Три часа дня. Второй утратой стала трансляция Формулы-1. Я смотрю это шапито с 1998 года. Пропускал прямой эфир лишь единичных гонок за эти 20+ лет. Уважительной причиной могло быть нахождение в самолёте, тяжёлая болезнь или что-то в этом духе. И – бац! Без объявления чумы у меня отобрали мои гонки. Понять, как действия России на Украине связаны с разрывом договора на трансляцию гонок мне сложно. Истерия Запада в этот момент для меня стала очевидной. Вместо реальной помощи своему союзнику они ограничивают поставки нам бургеров и выключают кино в телевизоре. Позор не меньший, чем наша судорога на юге. Вся протестуистическая демократия и псевдолиберализм проступили в эти дни. Отбирание

яхты русского олигарха для Запада является великой помощью, недопуск русских инвалидов на Параолимпийские игры – главным вкладом в борьбу. Циркачи и акробаты. Слава русским пиратам, трансляция Формулы-1 для меня возобновилась через час после гонки в форме видео 4К на торрентах, с переводом на русский и атмосферой праздника. Тот самый момент, когда хочется вслед за идиотами кричать, что наш народ непобедим. Спасибо, пираты. Я уже слишком стар и зависим, чтобы прожить новый сезон без тёрки между Ферстаппеном и Хэмилтоном. Потеря третья. Соль. Будучи на смоленском колхозном рынке, я купил сала повадками олигарха, так что еле донёс пакет до машины. Чеснок, перцы, лаврушка, всё было, не было лишь соли – основного ингредиента засолки. Я не покупаю солёное. Я солю сам, моя засолка лучшая в мире. На рынке не оказалось никакой соли. В супермаркете не оказалось каменной или расфасованной по килограмму. Пришлось брать последнюю пластиковую банку с дырками для посыпания, мелкую, как пляжный песок, несолёную на вкус, ужасную, последнюю. Это была худшая соль, что я видел за всю жизнь. Контейнер стоял на самой нижней полке, вернее на полу, не был замечен очумелыми бабками-охотницами за солью и сахаром. Мне не хватило этой соли дома, так как я купил очень много превосходного сала. Впервые в жизни я был вынужден что-то мазать-втирать с других порезанных кусков, сыпать больше перца, от которого чихал и в душе посылал всех имеющих отношение

к дефициту соли у меня на кухне. Три квадратика сала не покрылись солью с головой. Я увидел кризис своими глазами, я ощутил это жжение через царапины на пальцах, увидел эти недостаточно посыпанные горы свинины, вздохнул и понял, что вот он кризис. При всей юмореске происходящего, такого не было ни в 90-е, ни в финансовый кризис 2008-го, ни в отжатиe Крыма в 2014, ни в чуму 2020-2021. Соль для сала была всегда, была каменной, комками, кристаллами, сыпалась сквозь пальцы и ломалась айсбергами у меня в ладонях. Теперь свинина есть, соли нет. Это начало конца.

* * *

В лучших традициях лелеяния древнерусской тоски я подкрепил упадническое настроение чтением драматических произведений. Неприближающаяся весна этой весной, военные сводки с фронта и ряд негативных изменений в повседневной новокризисной жизни подвели меня к чтению «Мобилизованной нации». Книгу я так и не осилил. Начального впечатления вполне хватило, уловил суть. История о немцах, которые уже находясь в Чехии, уже собираясь в военкомат когдашнего формата, уже пишущие письма родным о нескорой встрече, эти немцы всё ещё верили, что не будет большой войны, что не будет войны в Польше и всё это просто такая ситуация. Из сохранившихся писем и воспоминаний автор сшил тревожную главу. Ветераны прошлой войны

восстанавливались в званиях, но думали, что это просто запугивание Англии. Молодые солдаты приезжали на трамваях к сборным пунктам и полагали, что их могут отпустить через месяц. Самые осторожные переживали за родственников-евреев, но заметили, что с началом мобилизации, тема страшных евреев-врагов рассосалась. Что-то другое ходило между солдат и генералов, что-то большее. Я представил какой книга будет дальше, с заложниками обстоятельств, этими гражданскими солдатами, представил их метаморфозу, их сожаления по поводу выбора пути или отсутствия этого выбора. Какой может быть выбор, когда ты в шеренге, в окопе или под обстрелом, пусть даже и справедливым, ответным огнём. Представив всё это, я бросил читать. Мне хватает воображения дописать в уме подобные книги в подобных обстоятельствах. Используя этот стимул, я поговорил с дочкой на кухне. Объяснил ей, что возможно, все мы, люди за окном, учителя в школе, я, все мы ошибаемся сейчас на счёт оценки текущих событий. Пример Германии, школьная история, такой-то класс. Возвращение Рурской области, может быть это наше возвращение Крыма? Аншлюс Австрии, может быть это наше будущее присоединение Донбасса по результатам референдума? Или это Херсон или это Южная Осетия? Ввод войск ради защиты немецкоговорящих жителей Чехии, Судетских немцев, это не наша ли спецоперация на Украине? Инсценировка польской агрессии нацистами в 1939, это не наша превентивная агрессия? Или это наша бу-

дущая история на границах Польши, Румынии, Молдавии, когда спецоперация докатится до них? Где мы находимся сейчас? На какой черте? Сколько времени прошло от этого ожидания-непонимания начала до полного разгрома фашизма в Берлине? От воссоединения с Австрией до разделения Германии? Всего-ничего, семь лет. Не нужно ли мне сейчас научить ребёнка смотреть на вещи с разных сторон, почему никто не пишет и не смотрит так? Пошёл обратный отсчёт до краха. Мы уже присоединили Крым, уже защитили русскоязычных в другой стране, уже перешли границу. Осталось семь лет до того как какой-то сержант водрузит какой-то флаг над Кремлём? Это возможный сценарий? Критическое мышление или параноидальное? Одно точно, с развитием современных технологий, ускорением времени, на это вряд ли уйдёт семь лет. Если такое произойдёт, то куда скорее. Я ошибаюсь в своём прогнозе, но я имею право на ошибку, мнение и разговор с дочерью. И я не собираюсь покидать страну из-за своего прогноза. Вторая прочитанная книга за выходные оказалась художественной и провела со мной время до последней страницы. Горалик и её «Имени такого-то» совершенно очаровала. Я пропустил вступление о том, что книга не документальная, а частью фантастическая и мне было невероятно приятно подмечать нереальные события в этой истории документального 1941 года. По ходу чтения я полагал, что автор показывает, как сходят с ума не только раненые и пациенты психбольницы, но и врачи, персонал,

все люди вокруг. Идея о том, что машины, зенитки, баржи – живые организмы – поразительна. Образ лисы, запряжённой в подводу или якобы сумасшедшей пациентки вылавливающей удочкой из ниоткуда обрывки писем с фронта – великолепно! В концовке стало страшнее и трагичнее, автор растеряла богатство воображения, на мой взгляд. Можно было набросать читателю ещё вопросов, связать действие с вождём, с немцами, проследить судьбу героев, сошедших с баржи-ящерицы. Квазиреальность. В этом сильны российские литераторы. Вспомнил свои впечатления от прочтения «Москва-Петушки», тяжёлых военных драм советского кино. Всё сошлось в книге. Получил огромное удовольствие и завершил этим бульоном долгий воскресный ужин из потока новостей о боях, аллюзий на тему Германии... Мы все как в приёмном отделении дурдома, только по какой-то причине неясно, мы пациенты, ждущие врача или врачи пришедшие на смену. Не выспавшиеся, в халате белом или больничном, но по знакомым коридорам идём в четыре стены палаты. Нам объясняют правила, мы записываем что-то в тетрадь, вокруг устоявшееся положение дел. Расписание на двери палаты. Но можно выйти на балкон и посмотреть на другие дома, других людей, а можно даже выйти с территории дурки и сесть на трамвай. Окружающие какое-то время будут привыкать к тому, что ты едешь в халате, врачебном или больничном, но привыкнут к этому, и к неснятым бахилам, и к бахилам на голове вместо одноразовой хирургической шапочки, и к

твоему пустому взгляду в стекло. Но можешь ли ты привыкнуть к тому, что постоянно вокруг творится необходимость выходить из дурдома, чтобы пытаться понять, что же происходит на самом деле.

* * *

Март завершается чудом природы. После ряда относительно тёплых дней, когда кожа лица нагревается под солнцем и возникает мысль получить опасный весенний загар, вдруг вернулась зима. Отсроченный подарок мне на День рождения №2. Оповещение от МЧС вечером сообщило что-то в телефоне, но они присылают теперь их так часто, что внимания не обращаешь. Зато обратил утром. Ледяной ветер, снег пополам с мелким градом и неслыханный гром с неба. Молнии я не видел, град стал не дождём, как бывает весной, а снегом, насыпало 5-10 см, замело машины и весь двор снова стал по-ватмански белым. Верба, обалдевшая со своими бубыськами, торчит из снега. Водители снова машут щётками вокруг своих железных бегемотов. Простыней накрыло вычищенные дорожки, вернулись тёплые шапки и исчезло нытьё в подъездном чате про неотключенное отопление в квартирах. Второй день принёс ещё больше снега и ветра, взрослые шли по улицам наклонившись под 45 градусов, лишних выходов из дома никто не делал и наши выходные превратились в полностью домашние. Вместо традиционно-

го изучения старых улиц Москвы, запланированной Пятницкой, у нас состоялся двухдневный марафон криминальных британских сериалов с доставкой еды курьером и выгулом собаки с хозяином в полностью зимней экипировке. Окна балконов покрылись корками и наметился, почти уже проступил витраж мороза. Утром температура оказалась минус восемь, а по ощущению Яндексса – минус одиннадцать. Но как сказала вернувшаяся с прогулки с псом супруга, ощущения больше похожи не на -11, а на пипец. Дети остались дома и рубились в свои приставки, и никто этим не возмущался. Синиц не прилетел к кормушке. Занимаясь своим любительским спортом, я только чуть-чуть приоткрывал окно на проветривание. Дочь вернулась из школы с бледными руками и щеками и не забыла взять шапку и варежки в новый раз. Только псу-хаски всё было приятно. Так же валялся на балконе, так же на улице, такой же скверный и разборчивый аппетит. Лапы его снова стали чистыми после прогулки, никакой грязи и песка, можно не мыть. Ледышки на его воротнике от игр с подружками, ледышки между пальцев лап, ледышки вокруг усов. Альбус приостановил линьку и не парится по поводу непогоды. Мы же, глупые кожаные взрослые, не удивляемся причудам людей, политиков и военных, но дивимся непредсказуемостью погоды и её мощью. Сказала будет зима, значит будет зима. Первое апреля в конце недели, это ещё не сегодня. Трепещите, глупцы! Кутайтесь в волосы убитых животных, ешьте солёный жир свиной и пейте согре-

вающее с хмелем, трепещите перед природой! Мы закрыли форточки и трепещем.

* * *

«Чтение меняет прошлое». Второй день не выходит из головы эта цитата. Как точно подмечено. Читая тексты, скажем художественные, удаётся по-новому представить имеющийся опыт. Сравнить и уточнить уже прожитое. И прожитое это в прошлом начинает меняться. Машина по деланию воспоминаний в голове активируется и меняет память после прочитанных страниц. Прочтённое крадётся и встраивается между мыслей, между дат. Книга о вымышленных приключениях персонажа меняет читательский опыт от настоящих приключений-переживаний. И сразу вспоминается вторая цитата – «человек одной книги». Когда кто-то, кто-либо, да я, к примеру, познаёт мир и принимает решения на основании одной пусть отличной книги, одного источника информации. Одна удачная идея кажется взрывает мир. Но прочитаешь вторую, третью книгу по теме и обилие точек зрения, деталей, появление нераскрытых вопросов, можешь после каждой книги заключить, что знаешь меньше. Третья даёт вопросов столько, что нужна четвёртая, а пятая ставит на место все предыдущие и ждёт шестую. Нельзя быть человеком одной книги. Мир не прост. Читать, менять прошлое и читать снова. Пока в прошлом не наступит порядок и не

окажется, что вся эта информация вела тебя к сегодняшнему решению. И у тебя тысяча слов на каждый вопрос и тысяча вопросов на каждую книгу. А книги всё приходят, прошлое растягивается и насыщается. Никакой выскочка из настоящего, поражённый одной своей находкой, одной идеей, не раскачает твой мир. Ты – человек тысячи книг. С тобой непросто. Все эти множества книг меняют прошлое. Сейчас читаю одновременно «Конец света, моя любовь» и «Планта муравьёв». Первая – точный пересказ 2000-х словами девушки-подростка, меняет мои воспоминания об этом времени, моё знание Питера и отношение к субкультурам. Вторая – напыщенная собственной значимостью автора история о наших соседях, о муравьях, с их деспотичным матриархатом. Меняет моё прошлое, мою память о том, как наблюдал за насекомыми в детстве, пытался мешать им доминировать на Земле. Обе книги нравятся мне одинаково и очень интересны. Мы ничему не сможем научиться у муравьёв в плане морали, поскольку они беспощадны к своим и чужим. Они не эвакуируют детей из соседней страны и не обменивают пленных. Только смерть несут приказы королевы. Мы ничему не научимся у бестолковой молодёжи и прошлого, потому что мы уже немолоды творить такое. Нет в помине таких субкультур, нет такого Питера больше, отличится молодёжь теперь может только в онлайн войне и офлайн спецоперации. Всё моё прошлое знание о людях и муравьях медленно меняется переворотом страниц. Ах, какие жестокие эти...

Какая-никакая, а весна. Принесла за собой обострение рабочих процессов, из которых за мной остаются командировки в регионы для проведения встреч с врачами, руководителями, а чаще выступления для врачей по запросам нашего бизнеса. И снова «Победа», с её имбецильной озвучкой правил поведения в салоне. Как если бы Нагиев языком Ерофеева объяснял, как себя вести в театре. Хуже только информационный перегруз, что сопровождает посадку и полёт в «Аэрофлоте». Снова гостиница с непременно сувенирным воровством пакетиков чая и одноразовых тапочек для дочки репетитора. Снова таксист из местных с историей как всё было до того как всё стало не так. Один и тот же мужичок откровенно разговаривал и встречая меня из Москвы, и провожая обратно. И узнал я всю правду-переправду. Раньше было, где гулять в Городе-куда-я-прилетел, были пляжи на реке-свяиге, был «песочный» для городских пижонов, и был «зелёный», для парней своих да простых, из пригорода города. Висел на «зелёном» пляже плакат всё детство и юность таксиста о злых бактериях в воде. Но ни разу он не заразился ничем в те времена, когда тогда, ныряя хлебал по три литра воды. Сейчас совсем другие дела, немного искупаешься и понос. Люди на пляж ходили хорошие, воздухом дышали, коляски выгуливали, было время доброе. Особенно

доброе оно было в 1971, когда мой водитель окончил школу и всё ему было по плечу да по колено. Сейчас проезжаем по мосту и смотрим на замерзшую широкую реку с островом. На самом берегу, ступая почти одной ногой в воду растут у реки дома в 15, 17 и 24 этажа. На месте пляжа «зелёного» раскидал светящиеся корпуса «Ашан», на месте пляжа «песочного» и вовсе закрытые клубные дома куда ни такси, ни скорую, ни пожарных не пропускают. Люди из дальнего подъезда не успевают подойти к шлагбауму в такси до того, как у них включается счётчик ожидания клиента. Доходят и брешутся с таксистом, так как СМС уведомляет их по пути из закрытой территории о том, что стоимость поездки возросла. Так и едут, бранятся с невиновным водителем «соляриса». Сами загородили дома, сами страдают. Говорит мой водитель, что недавно скорую не пропустили, охранник не открыл, работа у него такая – не открывать. И негде теперь гулять, и нырять, дышать из коляски детям и проводить пикники юношам. Не стало в жизни свиягских пляжей и зелени, отражаются в мутной воде только пластиковые окна тех, кому не хватило денег на квартиру с видом на Волгу. Вот и бесятся они, чертят шинами и ногами следы на бывших пляжах, травятся водой. А сколько рыбы было в 1971-м! Тут нас подрезал любитель громкой музыки на «Приоре» и разговор, как игла у пластинки соскочил на гараж. Для другой машины, в далёком далеке живёт за Волгой гараж. Не большой, не малый, об одном этаже, но вместительный, как тай-

га. Стоит в гараже Другая Машина. На той работать нельзя, на ней можно ездить на дачу. Поход в гараж всегда приключение. Бывает придёшь по делу, ненадолго, скажем подготовить Другую Машину после зимы к дачному сезону. Самый благородный повод выйти из дома и через весь город, через реку-свягу ехать в гараж. Но на месте оказывается, что существуют соседи по гаражу, которые только и ждут таксиста и ставят перед ним непростые жизненные задачи. Начинается сказка-быль. В каждом гараже поблизости ждёт трудность, но и приятное чувство преодоления. Соседи стовариваются заранее, чтобы сорвать подготовку Другой Машины к выезду и в итоге весь день уходит не на то. Приходится в следующие выходные снова ехать в Далеко в гараж и часто снова решать не свои проблемы. А поскольку ездить пьяным не разрешено, то случается и заночевать. Хитрые соседи по гаражу ломают все планы водителя такси и даже доходит до того, что он забывает своей хозяйке на обратном пути купить масло в «Гулливере», о котором ему было наказано с утра. От щедрости своей, в дни когда не забывает, таксист покупает ещё и сахар. Удивительным кажется ему не то, что сахар не такой сладкий, как в 1971, а то, что у дома в разных магазинах стоит он по-разному. Там, где удобно покупать – 88 рублей, а там, где проходя мимо витрины он вспоминает про масло – 95 рублей за килограмм. И хоть нужно ему всего-то 2 кг в полгода, а можно даже и рафинад кубиками, шофёра это непотребство огорчает. Хронически он покупа-

ет по большей цене и сразу же наталкивается на меньшую. В крайнем случае на следующий день. Я слушаю и еду, меня везут через мосты, над ямами дорог, мимо ям тротуаров. Дома высокие как в Москве у меня на глазах доедают парки у реки. Прихватывают наклоняясь кусок ивы и откусывают. Машины паркуются прямо в воду, у кромки льда. Где-то в лифте едут соседи по гаражу чтобы заранее прибыть на место и спланировать коварство. «Ашан» остался за спиной, но слышу я скрип авторучки менеджера-переписывателя ценника на сахар. А чтобы с рабочего стула было ему виднее как идут дела в сахарном отделе, подкладывает он себе под попу вдвое сложенную газету «Правда» за 1971 год.

Апрель.

Подаренный коллегами сертификат от «Тикетлэнд» я превратил в рискованные билеты на театральное представление. Рискованные, потому что выбрал новый для нас с женой театр, совершенно сумасшедшую постановку Мольера, да, со стихами, и судя по фотографиям актёров на сцене в сети, всё должно было быть необычайным необыкновеннейшим. Часто такие излишне постмодерновые вещи отталкивают. Режиссёры и актёры прячут за пошлостью и гримасами дефицит своего опыта, дарят зрителю провокацию плюс плохой звук и свет, что в итоге рождает массу срамных отзывов. Отзывы я изучил, но сердце подсказывало, нюх вёл, это будет бомба. С учётом бесплатных билетов-подарков мы выдвинулись. «Театр на Таганке» встретил нас полным залом персоналий, которых не встретишь в нашей Новомосковской деревне. Парни с длинными розовыми волосами, девицы с огромными чёрными бантами на талии, человек-шея, как Джим из «Острова сокровищ», человек-борода, которомугодились бы глаза краба на ниточках чтобы их было видно из-за растительности. И это был только ещё гардероб. Зал и сцена оказались минималистическими, но способными превращаться в воображении зрителей в другой мир. Спектакль нам очень понравился. Оказался буффонадой, пантомимой, клоунадой, уличным театром, всем чем

угодно, но не академической постановкой Мольера. И то было прекрасно. Вызов, испытание для настоящих театралов. Несколько зрителей, в том числе прямо перед нами ушли в первом из двух антрактов. Но мы нет. Театр – не для слабаков. Мы унесли домой вращающуюся мелодию клавирина и яркие образы неповторимого грима и одеяний актёров, что справились на трёхкратное ура. Мы обогатились ещё одной постановкой, которую будем рекомендовать своим друзьям, о которой станем вспоминать много раз, мы подняли планку своего зрительства на новую высоту, прошли тест, поняли смысл, порвали шаблон, вломились в круг любителей Таганки. Мы счастливо провели долгий вечер. Было лишь как всегда жаль, что дочка не смогла последовать за нами за нарисованный на стене камин, в мир искусства.

* * *

Четвёртое, Карл, четвёртое апреля! В Москве снегопад какого не было большую часть зимы. Во всех дворах не то что дворники, трактора устали переворачивать белые тонны. Снова опять заново Москву засыпало-замело в эту бесконечную зимовесну. Солнце перестало греть. Сугробы высятся на машинах. Днём и ночью раздаётся пикание сигналок спецтранспорта, что расчищает дороги. Сотни детей в округе строят снеговых людей, крепостные стены. Собаки тонут в снегу сойдя с тропы. Местами нет никаких троп. Вычищен-

ные тротуары невозможно распознать и народ течёт по дорогам. Аномалия людского поведения, войны и мира, спекуляций отразилась в природе аномальным апрельским снегопадом. Я перестаю удивляться официально. Жду пятое апреля с ледяным дождём или градом, грозой, чего уж там, жду ураган, снегопад по колено уже состоялся.

* * *

Мой рассказ про путешествие семьёй на Кубу прочитало около десятка человек из числа друзей и пара коллег с работы. Загруженный в ЛитРес он доступен бесплатно, возможно, какой-либо сумасшедший литархеолог обнаружит его и прочтёт тоже. Отзывы почти у всех сдержанные. Все отметили какие-то такие лучшие или смешные места, что были прочитаны на духу, те же все отметили какие-то такие другие места рассказа, где читалось не так легко. Все эти такие-какие места у разных людей не совпадают. Они не совпали и с моими представлениями о том, где у меня там хорошо и плохо. Так что результат такой: прочли, спасибо, рассказ состоялся и можно тихонечко радоваться, что я не побоялся это показать. А значит «это» будет расти, потому что то, что показано обязательно будет расти. Это закон жизни. На очереди мой новый рассказ? Ох, надо его перечитать и отредактировать во второй раз. С этим не уверен. Огромный текст, что раскрывает меня и даст обо мне знакомым людям куда

больше информации, чем я получу после их отзыва. Не всякий сможет прочитать это не только из-за большого объёма, качество моего первого многотысячника разумеется оставляет лишь надежду на интерес, сюжет отсутствует, какой же сюжет у дневника, а главное, читатель из среды друзей и родственников найдёт себя среди Times New Roman и эта находка в виртуальном мире текста аукнется мне в реальном мире слов и взглядов. То есть – не сегодня. Однако, писали же личности вроде Довлатова, просто о себе, о работе и выпивке, о погоде и дороге, не уставая пересказывали просто события вокруг. Стало это классикой отчего-то. Может и зря сегодня для меня «не сегодня»?

* * *

Много шуток есть на эстраде и в сети по поводу того, что Россия – это ад. Русскому персонажу этой монопрезидентской двадцатипятилетия не стоит бояться смерти от любых причин. Там, за ямой, хуже быть не должно. Если ты умираешь в аду, чем тебя можно испугать? Вторым адом? Мне-атеисту совершенно смешны подобные сравнения, но вдруг пришла ещё одна примета того, что все эти мнения людей правдивы. Совершенно несмешная примета, пришла в голову, когда я нечаянно посмотрел телеканал «Звезда». Вечные несгораемые огни в каждом из российских городов, не являются ли они признаком того, что мы живём в пламенном антиподе

рая?

* * *

Когда не знаешь, что почитать, и разом вся современная литература кажется сборником нытья о неудавшейся жизни или исповедью проститутки, у меня есть рецепт, есть совет. Выход в таком случае – Джулиан Барнс. Как я понимаю из предисловий, анонсов его книг, выложенных какими-то специальными людьми на платных сервисах-библиотеках и контр-ц контр-в оттуда на все остальные сервисы на свете, Барнс представляется обществу как талант играющий со словом, истинный литератор, вращающий слова необыкновенным образом. Автор элитен и высок, мастер от филологии, владеющий текстом столь виртуозно, что способен передать написанным испытанные другим человеком эмоции, полутона размышлений, полуошибки молодости, недомолвки в беседе с попугаем. Барнс велик, Барнс есть недостижимая высота потолка сталинских высоток, только в этом случае скорее викторианских. Образчик английской литературы. Прочитав его достаточно, я вижу, что те, кто пишет подобные вступления, Барнса не читали либо не дочитывали. Я был покорён его «10 1/2» главами, прочитал их в оригинале и только после именно оригинального текста понял насколько автор крут и самостоятелен. С тех читаю его на русском, но всё же помню каждый раз, что держу в руках пересказ, упрощение,

грех переводчика, что говорит мне, мол, да вот, просто проза. Язык автора теряется при переводе. Как на английском Достоевский становится великим и читабельным, затягивающим как героин, в отличии от русской версии, так Барнс в переводе становится просто прозаиком, его сахар растворяется в тёплой воде синонимов. Истории Дж. Барнса занимающие объёмные слитки бумаги можно пересказать в нескольких предложениях собеседнику и тут же согласиться с ним, что ничего особенного в сюжете нет. Делать такого не стоит, а стоит делать вот что. Нужно читать Барнса, когда устал от простого пересказа 90-х, 2000-х, кризисов, войн, врачебных обходов, убийств и всего что оккупировало нынешнюю литературу. Читать Барнса чтобы увидеть, как можно пересказывать свои мысли, красть у него богатство языка, сомнения и озарения, описания смущения и вспышек прошлого. Однако без толстовской морали, достоевского покаяния и чеховского мизантропства. Я прочитал новую книгу «Одна история». Пересказывать, сюжет краток и не нов. Я просто страница за страницей следил как умный человек пишет о людях, их грехах и мечтах. Как юноша совершает дела в 19 лет и затем возвращается к их анализу, стыду или просто как к куску памяти в 25, 30, 40 и дальше... Как он признаёт сначала порочность чего-либо, затем свою ответственность, после свою защитную позицию, в конце свою пустоту. Чему учит молодость старика. Как прожитая жизнь оказывается потушена делами наглой юности. Как ответственность губит

жизнь. Все мы живём эту жизнь после дел юности. Учимся не говорить, чтобы было бы если я поступил иначе, это бессмысленно. Более того, учит Сапольски, ты, я не поступили бы иначе. Мы поступили бы точно также дай нам время второй шанс. Мне хочется также овладеть словами, как Барнс, для того чтобы рассказать простые вещи высоким стилем, по верхней границе понимания читателя. Отсесть своим слогом тех, кому и книги-то читать не нужно, исключить, отобрать книгу у корыстного читателя, кому нужно только поставить галочку, только занести книгу в список. Писать так, как будто это будут читать. Как будто это кому-то нужно. Напоминает тезис о том, что нужно танцевать так, как будто никто не видит, а петь, как будто никто не слушает. Только всё получилось наоборот. Наоборотная модель текстования. Как будто это станут читать... Мысль уплыла. Закончилась. Что-то остановило мой поток желаний писать Барнса, читать Барнса, пересказывать Барнса, что-то в эту секунду поломалось и покатило к затылку. Вспышками приходят новые слова, всё съезжает на пересказ того, что видел и как это переkreщивается с мной. С дивана меня уносит в дверь. Вместо книги в руках ноутбук. Вот я уже сижу в такси по пути в Шереметьево, мы минуем по МКАД серый район из ничего не значащих бетонных стен, даже деревья там серые, как если бы береза поженилась с тополем и у них родились некрасивые дети. На самой немислимо бессмысленной стене без окон написано слово-граффити «ЗАЧЕМ». Стена более трёх

этажей в высоту, как мне кажется с трассы, выкрашена в гудроновый цвет, а по всей ней, на всю высь мегабуквы серого цвета. Зачем? Столько труда вложено в граффити и труд этот такой убогий и примитивный. Залить полмира чёрной краской, а затем огромно, по маяковски, начертать «зачем». Чтобы тысячи машин ежечасно видели это, чтобы пассажиры вроде меня приняли решение не лететь куда-то, опомнились. Но МКАД движется под колёсами, как пластинка под иглой. Секунда и все забыли про серый куб со словом. Но искусство оно такое, проехали, забыли, да осадок остался. Грубость и серость. В книгах Барнса таких плоскостей нет, там литература одного слова не живёт, есть поток, морской узел слов, пересказать осадок которых не получится, повторить не выйдет. Это вам не рисовать на скале «зачем». И не к чему тут использовать «шифт». Скромнее однословный литератор, серое «зачем» это не бумажный слиток Барнса.

* * *

Апартаменты в Москве. Ещё один обман, полунедомыслие, извращение начала 21-го века в России. Стоят они в соседнем новорайоне и снаружи совершенно ничто не выдаёт их ограниченности и подвоха. Такие же огромные многоподъездные кубики, местами красивые, по большей части никакие, без отличительных внешних примет, здания. Будут рядом стоять дом обычный жилой и дом апартаментный,

не представляю как отличить. Однако дьявол нанизывает свои мелочи на ниточку различия. Территория вокруг апартаментных домов убогая, деревьев, цветов, скамеек, всяких азиатских женщин высаживающих траву, тракторов убирающих снег, детей играющих в войну – нет. Только пяточки стоянок и горы машин. Редко кто-то выгуливает собаку, никто не выгуливает ребёнка. Подъезды с огромным холлом, как вход в общежитие, с обязательной комнатой консьержки, с большим окном через которое видна вся её дневная работа – незастеленный диван и бессмысленные коробки. Точь-точь как у дежурного в общежитии, не видно только доски с ключами и противопожарного плаката. Нет и телефона коменданта фломастером на стене. Вместо этого замысловатые схемы эвакуации в случае всего. В случае наступления хорошей жизни, в случае гипогликемической комы. Висит какое-то расписание, номера офисов, рекламы кабинетов юристов и прочее, но главное, уже пройдя мимо досок с объявлениями, вдруг до тебя доходит, что все эти номера, все телефоны и адреса, они про этот дом. Всё это здесь, шахматно раскидано по нижним этажам. Холл серый, грязный, но пустой, без колясок и санок. Потолки высокие, в закуточках ждут лифты. Лифты гремящие и выдавшие вандалов всех мастей. Наружные двери помяты как от ударов ногами, внутренние поцарапаны, словно перевозили диких зверей. Очередь на посадку. Очередь на лифт, такое не встретить в среднестатистическом жилом доме даже в час возвращения

с работы. Народ внутри лифта, в коридорах всегда в наушниках, в очках, в капюшонах, будто прячется от глаз, боится звука, света, людей. Никто не здоровается, никто не уступает, все медленно едут куда-то вверх. Там в высоте встречается необычно длинный коридор квартир, по десять дверей на площадке, вместо привычных четырёх. Стены цвета бруцеллёза не имеют красивых входных дверей, нет даже «порталов в Армению» – излишне нарядных двойных дверей с широкими наличниками. Коридор пуст. Без велосипедов, обуви, ёмкостей с водой, без ковриков и цветов в горшках, без строительного мусора. Мёртвый коридор. Квартиры в апартаментных домах – единые пространства с потолками выше трёх метров, с маленькими балконами. Единое пространство поделено на рандомные конуры, плохо освещено, имеет нелепости вроде холодильника у входной двери, домофона посередине стены, круглый стол в центре пустоты, какую-то дверь в гипсокартонной стене. Окна кажутся большими, потолок выглядит как в кафе-лофте, не хватает только частей строительного крана внутри и арматурины замаскированной под держатель для бра. Высота потолков не украшает жилище потому как там, в серой высоте, проложена масса коммуникаций. Такие дома не имеют придомовой территории, в них нельзя прописаться в советском смысле слова, а значит нельзя прикрепиться к поликлинике, встать на очередь в детсад, попасть в школу, привиться от коронавируса, качать права на соблюдение различных прав москвича, вроде сбора

мусора, пластиковой горки, новой парковки, зоны для выгула собак. Тарифы за всё соответствуют нежилым помещениям, свет, вода, оплачиваются так как будто это офис, без разделения на день-ночь, без малейших признаков экономии. Будто жители сутками варят мет и шьют трусы на продажу. Будучи на старте несколько дешевле обычных квартир, апартаменты берут своё потом. Когда захочешь разделить пятно жилья на комнаты, скрыть этот высокий потолок с пожарными трубами, как в заводской столовой, когда захочешь обычный коридор после входа в квартиру или не дай бог, ванну, джакузи или фикус в горшке. Всё здесь неудобно для переделки, запрещено или ограничено. Всё за свой счёт. В дома такие набирается специфический экипаж. Что это за люди, которым не нужна социальная сфера, дети, дерево за окном? Это молодые грубые приезжие или отселенные от старших беспокойные учащиеся, все эти носители тёмных очков зимой, любители айфонов и одноразовой посуды, делающие дом ещё больше похожим на общежитие. Кто-то инвестирует в такое жильё для сдачи, кто-то живёт тут вынужденно, никто не живёт там постоянно и с душой. Жители всех республик и кажущиеся наркоманами молодожители новой Москвы – типичные пассажиры апартаментов. Нижние этажи заняли самые неуспешные офисы, планктон которых, возможно, там же и ночует. Редкие нормальные люди чувствуют себя в таких человеюниках нехорошо. И хочется им назад в подъезды, пахнущие едой, к орущим детям, маленьким со-

бачкам в лифтах с зеркалами, пробираться к своей тёплой двери мимо выставленных сапог и лыж, слушать музыку соседей. Быть в доме полном вещей и людей, смотреть из окна как соседские дебилы ломают качели, как инвалид идёт в поликлинику, а язматери сидят у подъезда, тренируются, привыкают к скамейкам, чтобы с них позже клеймить проходящих проститутками. Это оказывается ламповей и теплопроводней, чем атмосфера апартаментов, вкопанных в новых кварталах города. Часто люди в обычных домах становятся солидарными по вопросам бытия, учатся не курить и не сверлить с 13 до 15, а может даже сообща закупать еду и вещи, открывать двери курьерам и одолжить соль, лопату. Они пишут депутатам и сражаются за свой уют, за квартиру полную чудес и чудачков. Каковы отношения между проживающими в апартаментах мне точно неизвестно. Наверяд ли там постоянный состав и большее уважение к ближнему. Отдельные наши новые знакомые приспособились к жизни в таких местах и не выглядят несчастными. Потому что все мы, обитатели квадратных метров, видим за окном красивые домики с сотками и заборами, и разница наша размывается в сравнении с мансардой успешного человека.

* * *

Чтобы посмотреть как живут люди я пользуюсь командировками. Тверь, это когда идёшь вдоль широкой оживлённой

улицы с сотней пешеходов, многополосным движением, долго идёшь, но не видишь ни одного кафе или чего-то напоминающего его. Ларьки-шаурмячные и закрытые рестораны времён сельских свадеб в городе. Тверь, это когда в нескольких ТЦ подряд нет фуд-корта и туалетов. Когда лучшее место перекусить в районе – это пяточок в «Глобусе» с публичной микроволновкой. Где люди в верхней одежде то ли пережидают свою жизнь, то ли молятся на беляши. Тверь, это когда от закрытого мужского туалета в огромном магазине указатель ведёт на улицу. Когда для того чтобы заехать на территорию противотуберкулёзного диспансера нужен танк или трактор, так как дорога используется для съёмок фильмов ужасов про чудовищ марсианских кратеров. Тверь-весенняя, это когда губка для обуви теряет смысл. Смысл сохраняют только запасные носки. Завершив дела с врачами и администраторами я вышел на волю, дальше от луж и брошенных спиленных деревьев, вдаль от деревянных барачков, уже было смотрел в сторону очередного бессмысленного ТЦ, как вдруг пошёл дождь. На вот это всё сверху ещё и пошёл дождь. Я смог укрыться в старом здании вокзала в ожидании поезда в Москву. Из-за непогоды пришёл сильно заранее. Но внутри не оказалось человеческого кафе, туалета и магазина, и всё зарательное время я просто закрывал глаза и слушал музыку в наушниках. Жаль, что нос закрыть было нельзя. Казалось, что через дверь туалета, где настезь открыты окна, доносилась вонь не только собственного вокзального

туалета, но и всех туалетов города. Этот шлюз вёл ко мне. На инстинктах я занял точку в дальнем зале, где Николай номер 2 тоже искал укрытия в 19-м веке. Кабинет-музей императора якобы находился за стеной от меня. Я не пошёл смотреть на четыре стены человека, который просрал войну и страну. Я уже оказался облеплен старыми и очень бедными людьми, которые казалось ждали не поезда, а смерти, пахли сыростью и распадом, вертели в сухих пальцах полустёршиеся билеты и чеки неизвестно на что и от какого года. Может быть они встречали ещё царя, а здесь, на вокзале, ждут пока достроится квартира, что обещал им Горбачёв. Мимо продефилировала квадратная с закруглёнными краями, как пуфик в мебельном салоне, девушка-женщина с перекисно-белыми волосами на маленькой голове на короткой шее в розовой куртке, розовой юбке и розовых сетчатых чулках. Возможно, кроссовки тоже был розовыми, но я ослеп к тому времени. Я попытался спрятаться от Твери в зале досмотра перед «Сапсаном», странно, но перед посадкой в скоростной поезд есть дополнительный осмотр, как будто я могу подцепить что-то между досмотром на входе в вокзал и досмотром на выходе. Но меня вежливо выгнали. Находится там можно только за полчаса до посадки. Я вернулся страдать в туалетосфере. Я выпил кофе у некрасивой девушки с бумажным колпаком на голове и рассмотрел плакат у медицинского кабинета. На плакате люди улыбались, а текст не рекомендовал мне посещать другие страны и трогать рукой лицо для моей же

безопасности. Я подчинился, не поеду, не трону. Я стал от-
вериваться, смиряться. В конце концов поезд с московски-
ми питерцами и питерскими москвичами унёс меня. Появи-
лись вокруг люди с гаджетами, люди с водой без газа, люди
с улыбками. Затем я ехал в такси домой от Ленинградского
дольше, чем ехал от Твери до Москвы. Но это было уже дру-
гое. Пахло вафельной разметкой и каршерингом, люди были
злые, но эффективные, огоньки реклам ушедших компаний
ярко озаряли маршрут. Командировка закончилась.

* * *

Зима упиралась в этом апреле изо всех её сил. Когда кон-
чился снег она стала сыпать просто ветер, просто озноб и
сырость. Сил на весь день не хватало, так что после каземат-
ного утра днём наступала кошачья теплота, солнце слепи-
ло и плавило сырны сугробы. К вечеру зима, отдохнувшая
немного, дула и выла как Витас, но люди шли спать и не об-
ращали внимание. Отопление в домах не отключали, чело-
вечки на улицах носили преимущественно зимнюю одежду.
Это начинало выглядеть странно. С высоты нашего семна-
дцатого, все эти меховые человечки, уклоняющиеся от ветра
на фоне чистого бесснежного двора. Земля за ночь покрыва-
лась какой-то белизной, как будто замерз её пот. Грязь фик-
сировалась низкой температурой и позволяла гулять с соба-
кой в парке вне дорожек. Но всё же последние горки уже не

белого, какого-то серебряного металлического снега уменьшались. Солнце глубже заходило в тень и плавало этот металл. Дочь первой стала ходить без шапки, перчаток и шарфа. В чёрном пальто оверсайз с чёрными пуговицами и широкими лацканами ворота на который так и хотелось пришить огромную брошь. Я перешёл на кепку и храбрился в ветровке. Супруга подбирала гардероб разнообразно и тщательно. В целом, даже о кожаных куртках речь пока не шла. А ведь каждому известно, кожаная куртка – это настоящая весна. Как когда-то в детстве это была джинсовая. Смена вещей принесла с собой ностальгию. Множество нашего гардероба для осени напоминала о европейских путешествиях и особенно сильно о Лондоне, где часть этих вещей была куплена до пандемии. Довоенная одежда показалась удобной и родной. Вздыхая, осознавая, что с нынешней политикой мы никогда уже не походим по распродажам в Boxing Day, собирались мы в школу и на работу, выходили в ветер и острую подмороженную морось, под низкое небо цвета этого последнего бетонного снега. Из-под снеговых спрессованных горок бежали ручьи, а нога нет-нет, да и проваливалась сквозь корку льда. А там была пустота. Внутри уже не было никакой зимы. С первым лучом обеденного солнца просыпалась в голове песня-паразит, услышанная по радио где-то между Вязьмой и Сафоново: «я знаю точно, растает снег, в тиши полночной иволга запоёт, и рыжею девчонкой, тёплую ото сна, в наш странный мир придёт весна...». Песня удиви-

тельно подходила этим дням, этой жизни, этой стране.

* * *

Тем временем бойня продолжалась. К концу второго месяца я перестал улавливать логику боевых действий. Отчего-то российская армия отступила с тех позиций, где ранее легко продвигалась и ушла в Донбасс, где её восемь лет ждали и укреплялись, то есть ушла в самое сложное место, в настоящую мясорубку со сменными лезвиями. Тонули корабли, гибли генералы, обстреливали брянскую область, короче, как по мне, то наблюдались массовые явления неудачи с нашей стороны. Противник безусловно страдал. Моя учительница английского из Мариуполя сменила уже шесть мест временного жительства и научилась жить с этим стрессом. Сам Мариуполь, как я понял, существовать перестал вместе с людьми назначенными бандеровцами. На уроках с ней мы как могли смеялись. Последняя её история, о раздаче гуманитарной помощи от некой христианской организации показалась мне доказательством, что Елена справляется. Волонтёры привезли беженцам полезное, но перед раздачей не смогли устоять, провели проповедь о том, что всё равно все мы умрём, пора заботится о душе. Потом пошла раздача еды для тела. Елена пересказывала эту психологическую помощь и улыбалась. Верующие так себе психологи. Сколько можно жить со стрессом, наступает ли адапта-

ция, смеёшься ли над такими помощниками искренне или это уже нервы? По Москве струились слухи о том, что командование несогласно с действиями президента, возможно был уже какой-то неудавшийся переворот и ротация руководства армии, исчез из всех публичных встреч министр обороны. Этот слух неплохо вписывался в оценку текущего. Никто не побеждал. Запад сплотился. Бесконечные потоки оружия оттуда вполне могли превозмочь бесконечную храбрость с нашей стороны. Странность состояла ещё и в том, что основными новостями войны, которые тиражировали множество СМИ были новости экономические. Все, я, реально читали про войну только на РБК, где не измеряли убитых, не сравнивали ракеты, а писали об убытках и увольнениях, о санкциях и пессимистичном будущем. Мы стали смотреть на войну лишь как на приложение к экономической игре, на вторичное шоу, на глупость, которая сопутствует, а не вызывает финансовую катастрофу. Походы в магазин, отсутствие иностранных фур на Минском шоссе, отменённые отпуска, всё говорило нам, что тупая война где-то далеко, а мы конкретно сегодня проигрываем в другой, экономической игре. Иногда я захожу на мозгвзрывающие каналы вроде телеграм-канала Минобороны или БелТА, ВВС, CNN, все эти трубы, по которым течёт знание, пропитанное ложью или превозносящее какую-то одну выдуманную сторону жизни. Геройская смерть от фашистов. Расчлененные отступающими русскими дети. Несдающиеся в катакомбах герои. Чемпионат мира

по лжи был в самом разгаре. Мне напомнило это отступление от основного текста так любимой в детстве книги «Трудно быть богом». Персонаж отвлекался от резни в средневековье чужой планеты на смутные воспоминания о прогулках на Земле, далеко за васильковое поле, к мосту, там, где он с ребятами мечтал найти скелет прикованного к пулемёту фашиста. Но так и не нашёл. Стругацкие верно подметили, что скелетов фашистов нет там, где их нет. Возвращаясь из ада истерических новостей, через АльДжазиру, чтобы снизить накал, обратно к РБК, я вижу, что люди для людей по-прежнему только цифры, только дорожающая рыба... Страшно безвкусные саги о необходимости навести порядок в чужой стране плохо усваиваются, когда, отъехав от Москвы на 100 км видишь, что есть ещё одна страна, в которой нужно навести порядок. «Как обидно быть умным, знаешь всё наперёд» ©. Песня вертелась и не забывалась. Не знаю, разумеется. Предполагаю. Это всё-таки будет вечный Афганистан и железный занавес. Или же второй, худший вариант. Где мы находимся сегодня? Мы уже перешли ту границу или есть ещё какая-то?

* * *

Захотелось решительно и безотлагательно солнечного дня, выходного и раннего утра. И это ещё не всё. Захотелось по пустой Старой Смоленской дороге мчаться с двумя-тремя

друзьями прямо на восход к дальним районам необъятной смоленской области, к заброшенным усадьбам, рухнувшим мостам, заросшим прудам. Взбираться на древние курганы, угадывать очертания улиц в городищах, брести по пояс в траве или напротив, перепрыгивать с камня на камень переходя в брод ручей с забытым названием. И чтобы небо оставалось ясным весь день, мы менялись заранее прочитанными фактами об этих заброшках, чтобы вышли на дорогу лани, а сверху на нас смотрели аисты. Почувствовать захотелось пустоту земель русских, безлюдье и потрогать знаки на фундаментах да на огромных пнях, что было так не всегда. Люди жили не там, где мы сейчас, жило их много и были у них дела, разговоры. Копали они рвы против супостатов, пруды для рыбы, строили, конечно, бесконечные и бесполезные храмы, но жили, здесь жили, прямо тут, где сейчас нет ничего. Только несколько друзей напылили машиной, накричались сквозь руины, увезли на память пару кирпичей с клеймами, кованых гвоздей, чьих-то красивых перьев. Уехали не сразу, отобедали глядя на пустоту древнего поля битвы или заброшенное кладбище, съели домашние припасы, подставили весеннему солнцу лица. Неторопливо поговорили, посудили, да как же так. Вот был дворец, вот дорога, теперь же и колхоза на этом месте нет. За что бились здесь витязи, к чему крепостные обжигали кирпичи? Люди сгруппировались в большие города и никому нет дела до наших находок, до исторических дней. Захотелось почувствовать себя

открывателем такого заброшенного места. Отвести ветку и увидеть герб на камне, с риском обвала спуститься в подземелье, разгадать название деревни, что непременно отсылает к эпохе монголов или литовцев. На обратном пути устать, будто сам бился с недругами, врубить музыку а-ля русский рок и к ужину радовать близких своими пыльными гвоздями, торопливыми историями. Вот такое решительное желание возникло из ничего. Не позвонить ли друзьям, не снарядить ли автомобиль? Есть ещё фляжки, саперная лопата, есть место в необъятном чреве Октавии для складных стульев и стола, а главное, есть решительность пойти за своим вдруг-желанием.

* * *

От зимы остались только плотно утрамбованные людьми тропинки в лесу. В конкретно нашем Абабуровском это выглядит как широкие, до полутора метров, серо-белые седые ледяные дорожки, петляющие через бесснежный вполне осенний по виду лес. Будто кто-то прочертил их ледяным посохом по лесу, что и не видел зиму. Всюду старая трава и шишки, скрип стволов. Тропинки ползут по лесу при плюсовой температуре. Идти по ним обманчиво непросто. Скользота и коварные гайморовы пазухи под настом. Приходится идти параллельно по обычной грязи. Но в наступающей темноте леса после заката, эти дорожки видны лучше и освеща-

ют путь такому собачнику как я. Флюоресцируют. Белая полоска неба над хвойными деревьями и белая полоска ледяной тропинки под ногами. Между этими двумя коридорами в наступающей тьме я иду с Альбусом на ежедневный выгул. И если бы не развешанные как ёлочные игрушки на ветках елей варежки всех цветов и размеров, то сложно поверить, что здесь была зима с сугробами по пояс. Ведь эта ледяная дорожка, она вовсе не от зимы, она от волшебства, от инопланетян, от режиссёра «Соляриса», как и дорожка серого неба над головой. Весь лес на контрасте с белым становится слившейся тёмной кучей колючек. Нет-нет, да и попадёт что-то по лицу, по куртке, что-то схватит с земли и унесёт во мрак пёс. Вот я вслед за ним встал в жижу цвета конца света. Всё ясно, пора выходить из леса. Севшее солнце больше не брат, эта белая дорожка не приведёт к пряничному домику, а только лишь в гниль, в слизь, к желанию проверять каждые сто метров нож в кармане. Последние пятнадцать минут полутьмы дарят встречу с мужиком преступного вида, что в километрах от ближайшей дороги или дома стоит у дерева и смотрит под ноги. Не мочится, а просто смотрит. Услышав, вряд ли увидев нас с псом, мужчина начинает шарить руками в полутьме по стволу, как будто что-то ему там нужно и уходит с ледяной корки в темноту. Проходим мимо пропавшего мужика в тишине. Наркоманы постоянно ищут закладки по GPS, расположенные обычно у корней деревьев. Зимой встречал множество раскопок, не всегда телефон верно под-

сказывает точку, бывает, что раскапывают по десять деревьев, прежде чем найдут. Этот припозднился, ищет в стволе, наверное, из-за общей сырости и грязи теперь кладут в дупло. Может он и не собирающий, а раскладывающий. Пакеты и шприцы постоянно попадают в лесу. Интересно, что один и тот же порошок они и курят, и вводят в вену. Соответствующие пластиковые бутылки с сажей внутри и дырочкой сбоку имеют место в кустах. Шприцы часто воткнуты иглой в землю. Вот уж спасибо за заботу. Основной сбор закладок идёт утром. Ночной мужик не вписывается в картинку. Днём все эти люди притворяются нормальными, учатся или работают, возможно, мои соседи. Но ведь машинка в голове у них давно дала сбой. Я не верю, что подобная зависимость лечится. За всю мою карьеру врача и просто наблюдателя жизни, я не встречал бросившего наркомана. Машинка даёт сбой навсегда. И не спрятаться от них даже в наступающей ночи, в заповедном лесу. За этими мыслями с собакой мы выходим на освещённую неоткрытую трассу, что ждёт очередного Дня города и соединит какие-то хорды и развязки чтобы ещё полмиллиона человек быстрее нырло в Москву из области и выныривало потом в муравейники типа Одинбурга. Дорога, как мы её называем – идеальна для катания на велосипедах, занятия бегом, выгула собак. Жаль только, что эти три миссии мешают друг другу. В опустившейся ночи Дорогу заняли другие жители района. Это подростки на прокатных самокатах и просто пешие, крича-

щие, матерящиеся, резкие в своих перемещениях. Судя по месту и времени, поведению и экипировке, родители их это те недолюди, что жарят шашлыки у подъезда и строят сауны на балконах. После таких встреч очень хочется иметь свой небольшой замок со рвом и не иметь больше таких встреч. С псом мы завершаем лесодорожный круг и уходим в сторону дома. Два-три неадекватных собакохозяина с мелочью о четырёх лапах выходят из тьмы, значит дом уже близко. Хозяева маленьких собак никогда не занимаются с ними, с кинологом, отчего-то полагают, что маленькие и так слушаются и их можно просто взять в руки. Но эти мелкие провоцируют воспитанных крупных, не дают пройти, лают в квартирах бесконечно... Ничего этого не объяснить им, ничего из этого я не хочу с ними обсуждать. Придерживая Альбуса на каждой подобной точке встречи, я раздражённо прохожу мимо. Наш пёс во дворе даже не писает, не то чтобы лаять или гадить. Лес далеко за спиной. Небо из узкой дорожки над соснами стало большим и звёздным. Светлые точки самолётов, а может спутников-шпионов. Телевизоры в окнах. Подъезд. Лифт.

* * *

Работа в Петербурге как подарок. Возможность собраться с мыслями в «Сапсане». Четыре часа прекрасного времени. Чтение отложенных книг, а с недавнего времени и соб-

ственное письмо, написание, вписывание коротких историй в долгий полугод. Списываю мысли прямо с окна. В тумане тверской области стоят как ели опоры линий электропередач. Раскинули треугольные лапы и бренчат на концах кисточками-шишками, закалёнными стеклянными изоляторами. Все ели-ЛЭП стоят анфас к поезду, их отлично видно, шеренга, ряд. Провода в тумане не различаются, оттого и похожи на высокие ели. Стоят над туманом. Как-будто в Замкадье наступил уже апокалипсис и мы несёмся в скоростном и не останавливаемся не оттого, что хотим быстрее, а оттого, что жизнь осталась только в Москве и Питере. Посередине – железные ели и болото дышащее туманом. Пронеслась мимо окна деревня, ржавый кран перешагивал через дом, у избы ржал непослушный бортовой ЗиЛ. Трактора, как совет старейшин собрались кругом под фонарём. Ещё одна деревня без людей, ещё одна бетонка станции, где никто не останавливается и снова ели-великаны на широко расставленных ногах. Нет проводов, только туман. Внутри «Сапсана» дорогой кофе и чай спорят, кто горячее. «У вас натуральный или растворимый?» – слышу вдруг громко. Моя Яндекс.Музыка умолкла, потеряла интернет. Вздрагиваю. Вместо приятной беседы в подкасте о том, что редактирование генома должно идти в ногу с редактированием этики я слышу спор о качестве кофе. Оказывается, соседка по ряду разговаривает с невидимым собеседником через вкладыши в ушах, где-то за спиной мяукает кот, по телевизору под потолком убива-

ют пушечными ядрами декабристов. Ели-ЛЭП обиделись, я отвлёкся от них, и они перестали стоять. За стеклом начался простодождь. Впрочем, дождь в «Сапсане» в отличие от обычного законного идёт не вертикально, а горизонтально. Скорость разматывает поток капель по стеклу слева-направо в моём случае, разбивает струйки, сливает, и хоть те, подчиняясь гравитации уходят понемногу вниз, дождь откровенно горизонтальный. Вода тумана, вода кофе, вода дождя, мы едем под водой в город на воде. Поздно вечером по приезду встречаю Вову Питерского. Назначаю ему встречу в «О, Куба!» на Рубинштейна. Как замечает Вова, питерцы бухают на Некрасова, на Рубинштейна только москвичи. Я, получается, москвич. Это не мешает мне усадить его в кабриолет-бьюик посередине зала. Мы в центре внимания как гости в Царской ложе театра. Розовые стены и сине-зелёные стулья очень точно передают цвета Кубы. Тот, кто делал дизайн понимал о чём речь, видел те стены и те стулья, те машины и цвет океана. Входящие в ресторан обращают на нас внимания. Два гея в кабриолете? Мажоры? О чём думают входящие, мне всё равно, я громко смеюсь и делюсь новостями. Интеллигентный Вова, кивает на мой пересказ войны, заявляет мне: «Я ж ватник, что я могу сказать». Очень смешно из уст интеллектуала от искусства. Мы не виделись с ноября. Друг пересказывает Хазина, кушает ропавьеху, его уже можно назвать вегетарианцем. Выходя в туалет, я нечаянно шумно хлопаю дверью машины, ресторан оборачива-

ется, мне смешно, я рад тому, что приехал. Впереди смена рутины, театр, чайки, вычурные питерские бездомные, вечный бекон и омлет отельного завтрака. И нет рядом голых стальных елей с болот, нет горизонтального дождя и апокалипсиса, я доехал. Это Питер, он выдержит, он не прогнётся под патриотов и зомби. Если только случайно забухает и проспит революцию.

* * *

Шесть утра, проветриваю номер в «Холидей Инн». Опять туман. Он очень избирательно прячет дома на горизонте. Отсекает все новые многоэтажки, все эти эконом- и бизнес-ЖК, кутает их и обрушает за сцену. Оставляет туман, старые дома и высокие трубы угольных котелен. Смотрю через стекло как будто в прошлое. Так всё в трубах было здесь сто лет назад. Вовсе это не трубы. Это вентиляционные шахты ада под Питером. Там, где лежат тысячи солдат, крепостных и гумилёвых. Там куда вечное правительство закопает временное правительство. Куда положат погибших за украинскую пшеницу и погибших за коронавирус, за вариант один, вариант два, вариант три, вариант четыре, вариант пять.

Маленький пример кризиса в копилку. На медицинской выставке представители фармкомпаний покупают в перерывах не кофе, а чёрный маркер с широким носиком, этакий текстовыделитель, только текстозачёркиватель. Стоят и заштриховывают на промо материалах о препаратах QR-коды ведущие в Инстаграмм и Фейсбук, где находились странички о лекарствах. Теперь нельзя. Каждое промо исчеркано, чёрное пятно кризиса на каждой яркой бумажке. Да и кофе-то раньше не покупали, а брали бесплатно на соседнем стенде. Там напиток, тут печенье, так и доживали до обеда. Врачи, кроме обычных вопросов задают новый, будут ли в наличие наши замечательные таблетки. Разработаны и изготовлены они частично в партнёрстве с европейцами. Доедут ли до наших пациентов? Сколько будут стоить? Успокаиваем, рассказываем о невозможности санкций на лекарства. Хотя, что в этом мире осталось невозможным? Невозможный снег хлопьями в конце апреля сразу после яркого солнца? Наступает вечер, и... Натe, пожалуйста. Снег засыпает скамейки в парках, музыкантов на Невском, прилипает к деревьям, к моим векам. Все с визгом прячутся в кофейни и арки. Снега хватает на снежки, на попадание в рот, на залипание солнечных очков прохожих, на всех хватит сюрпризов этого мира. Хлопья, как перья разорванной подушки. Небо над Пите-

ром – курица, отряхнувшаяся на нас. Захожу в каждый второй магазин по улице чтобы отогреть пальцы. Нераспроданные фарфоровые ёлочные игрушки на витринах сувенирных смотрятся уже бодрее, думают, что пришёл ноябрь и скоро реинкарнация. Я ныряю в очередную дверь и это уже финиш забега, Александрийский театр, дают «Рождение Сталина». Ничего большего в этот вторник я не обнаружил и, в надежде на постопостмодерн, присел в партере на краю долгого ряда красных стульев. Но и до этого момента, Петербург мне ещё раз напомнил, где я нахожусь. К слоняющимся по узким коридорам театра командировочникам обратился пожилой человек в камзоле: «Прошу пройти в царское фойе, после первого звонка вы сможете попасть в зал». В Царское Фойе, Карл, можете пройти. Топчитесь не там, где советники и гвардейцы до вас, топчитесь в царском фойе. Это не дед в камзоле говорит, это его устами Питер говорит. Вы, правнуки свергнувших режим, идите и наследите, будьте достойны предков. В царское потянулись тюменские тётки. В царском к их удивлению обнаружился буфет. В царское поместилась сотня мещан и начала топтать обстановку. Недолго им радоваться присутствию, с первым звонком, как с первым криком петуха, ждёт их Сталин. Начнётся сюр перехода из царского фойе в рабочий Тифлис. К сожалению, весь сюр и постмодерн взял себе в тот день апрельский снегопад. Спектакль оказался крепкой богатой драмой, пересказом становления Сосо-революционера, словесной пьесой на половину

состоящей из грузинских песен и смерти. Ничего нового, но театр не для слабаков. Аплодисменты до завершения сорвали только мальчишки-газетчики, что заполняли паузу сменой декораций криками на грузинском. Зал сидел молча, выразив своё ликование только когда зажгли свет. В темноте тема Сталина не вызвала желание похлопать ладошами. На свету, когда видны лица соседей по ряду, многие вскочили и соударяли отчаянно. Что-то в этом показалось знакомым, я подошёл к гардеробу первым. Выше по ступеням потянуло холодком. Кто-то невидимый открыл в царском фойе окно.

* * *

Спустя 17 или 18 приездов, прогулка по Питеру перестала быть перформансом, развлечением самим по себе. Больше не радуют камни и фасады. Радость прячется в театрах, ресторанах, некоторых галереях и магазинах хенд-мейд. Просто пара часов на Литейном, Гороховой, по набережной Грибоедова, как раньше, не радует. Интересно было бы пройтись с кем-то, рассказать о городе, но самому получать удовольствие в одиночку не получается, всё было иначе, скажем, десять лет назад, но прошло. Теперь просто прогулка отзывается усталостью, нужно значительно больше. Больше странной кухни, больше новых выставок, премьер, фриков в кофейнях. Романтика просто дворов и просто серых стен закончилась. Кстати на серых стенах стало меньше рекламы. Двига-

ьясь от закрытой «Зары» на Невском до подземного перехода у Гостиного не встретил тумб, растяжек, неона. Старые щиты заклеены поверх стикерами об экскурсиях по крышам, номерами проституток, английским языком. Пустые щиты и застекольные пространства заняты плакатами в стиле «Своих не бросаем». Огромные Z-буквы оранжево парят над толпой. Молодёжь их не замечает, пожилые не понимают. Буквы на входе в метро, внутри на ступенях, на ларьках, на машинах Росгвардии, от них не укрыться. Вдруг посетила мысль, что единственным способом успокоиться и не волноваться о планах, будущем дочки, работе, является принятие этого всего. Этой буквы, этой реальности. Полное согласие с превентивной агрессией к врагам, с угрозами глупым соседям по карте, с защитой всякого с русским языком в крови, на каком бы острове они ни жили. Больше славы, больше правды, нашей такой особенной правды. Тогда, в этой наступившей гармонии всё станет простым и верным. Сила страны, гордость, порядок, вся правда будет моей. Буду улыбаться и кушать с удовольствием. Буду достоин памяти предков чтобы это ни значило. У меня такая большая страна, здесь так много правильных людей. Впереди лучшее. Повторять за Хазиным о благодати бомбёжки Лондона и за Соловьёвым о либерастах. Как бы это всё ещё и перепостить, благодать эту, открытие, как поделиться этим знанием, что есть выход из раздумий. Всё принять. Может сделать татуировку на всю кожу с флагом, гимном, с латинскими этими буквами ZVΔ. Мо-

жет тогда они впитаются в меня и станет всё легко. Принять сторону, поверить в бога, уехать на охоту, включить телевизор. И этого всего-то апрель.

* * *

Я умею путешествовать не только во времени, углубляться в воспоминания и сместить Олимп планируя планы. Я умею с недавнего времени путешествовать и в пространстве, не покидая квартиру. VPN включенный в зале перемещает меня в Польшу, а в комнате дочки – в Финляндию. Так я живу, работаю в воеводстве, заглядываю проведать ребёнка у Финского залива. Включить VPN кухне не получается, это какая-то геопатогенная зона. Мобильный может там показать погоду в Варадеро. Впрочем, цифра там всегда одна и та же – тридцать градусов. Кому это интересно в занавешанной железом России?

* * *

Состоялась наша с супругой очередная выходка из сериала «Мы познаём Москву». В рамках чего по выходным неспешно обходим старые районы, изучаем здания, терзаем Википедию, историю места, магазинчики, фантазируем как было здесь раньше и в финале непременно ресторанчик с

обедом. Подошла очередь Пятницкой и Балчуг. Улицы невеликие, полупустые отчего-то, с сильно суженной проезжей и громадной пешеходной частями. Шли от Добрынинской, что к моему разочарованию названа в честь пролетарского бунтаря, вовсе не иного мистического персонажа и дошли почти до Красной площади. Двух-трёхэтажные домики легко передавали обстановку начала века и даже двух-трёх веков вглубь, точно по количеству этажей над землей. Вот вычурный ампир, в котором успел поставить свой вездесущий хештег Ленин, вот колокольня напротив НИИ астрономии, где кроме как выпить вечером, судя по отсутствию телескопов, академикам делать нечего, ещё колокольня, ещё храм. Нет, ну НИИ астрономии, кто мог подумать?! Домик Толстого, что был им снят в пору начала писательства, уже знаменитым за крымские рассказы, но ещё таким юным пацифистом. Вот прелестный пи-ар дома Смирнова, что сей мудрый муж есть поставщик ЕГО императорского величия. Мосты, река, солнце светит. Мы никуда не торопимся, напротив, умышленным способом притормаживаем у трёх магазинов, трёх конкурентов за охи и ахи туристов. Официальные магазины «Гжели», «Императорского фарфора» и «Жостово» как-то неслучайно оказались на одной линии, одной и той же стороне улицы. Дорого-богато. Мы млеем от смешных пчёл на тарелках в «Гжели» и уносим три с собой. Память о походе, разнообразие в наш дом. Заводим скидочную карту, долго бродим, как по музею, планируем уже поездку в Гжель

на машине, мечтаем своими руками вылепить, раскрасить, мечтаем о всяком. Мы на отдыхе. Отдых с нами. Шопинг – это его неотъемлемая часть. Только что бывший в Петербурге я теряю интерес к фарфоровому магазину, а «Жостово» оказывается дорогушим и отталкивает своими кусками металла с цветочками. Куда нам этот поднос? Что мы на нём будем подносить? Другое дело толстенькие шмели с загнутыми как у бабочек носиками на которых мы отныне будем ставить торты и пирожные. Немного заглядываем и в боковые улицы. Ордынка, Вишняки. С трудом, даже навигатор не помог, обнаруживаем памятник улитке. Не памятник, конечно, шутка кого-то из местных, крохотная улитка на перилах у старого подъезда. Дом Островского рядом. Недалеко ему было ходить пить водку к Толстому, даже в темноте за десять минут управиться можно. На Балчуге, на месте первого российского кабака – огромная гостиница с видом на Кремль. Болотный остров не виден, когда стоишь на нём, просто улица, где вода, где Пётр? Громада гостиницы заслонила всё. Под её тенью уютный фуд-корт с массой несетевых едален и развлекательных кофепитеен. Обошли круг как бояре и выбрали китайскую кухню, может быть сыграло роль то, что в прошлый раз, в походе по Маросейке китайский ресторан очень украсил досуг. Итак, снова Китай. Наше будущее, привыкаем. Снова от пуза, на этот раз добавили и китайское пиво. После обеда решили, что не хотим смотреть на звёзды Кремля и пошли в обратный путь до Добрынин-

ской уже без остановок. Пятницкая теперь, без поворотов к Толстому и улитке, без моих пересказов всего интернета про дела стрельцов, показалась короткой. Ещё пять минут и покидаем старину. Финальной точкой, секундой впечатлений, стал фиолетовый «Ламборджини» стерегущий наш проход по пешеходному переходу. Рык нутра и блики солнца на нём. Очень неспешная поездка у него, когда снова зелёный. Куда спешить? Москва и сегодня, и сто лет назад какая-то неспешная да успешная. Ловлю себя на мысли, что мы посмотрели уже все старые места города, все его кольца и набережные. Куда двинемся в новый раз, какие сувениры нас ждут на купеческих перекрёстках?

* * *

В последние дни апреля возобновляю грибной чат, которым мучил друзей и родных всю прошлую осень. Фотографирую грибы и рассылаю утром во время прогулки с собакой. Весной грибов немного и каждый спорит за звание первого весеннего. Всего три кандидата у меня на фото все последние прогулки: строчок гигантский, урсула бокаловидная и «эльфийская чаша». У последней есть нормальное биологическое название, но с тех пор как узнал этот синоним, разумеется использую только его красоту. Однажды убедившись, что это гриб, а не половинки ореха или чья-то оброненная малиновая конфета, забыть его невозможно. Еже-

дневно в грибном чате сияет ярко красная округлая чаша, часто скоплениями, живущая у самой земли на мёртвых палках, вросших в прошлогоднюю листву. Алые пятна на абсолютно бесцветном пока, без травы и цветов, весеннем нижнем этаже леса. Чуткий страж, индикатор отличной экологии, якобы чувствительный к малейшим загрязнениям этого леса у аэропорта. Да если и нет, эльфийская чаша стоит того чтобы здесь бродить. Гигантский строчок, как ядовитый мозг выпавший из кого-то вроде белки или вороны, с извилинами цвета молочного шоколада. Пока он не встал на свою бело-берёзовую ногу, сливается с павшей гнилой листвой. Коричневый мозжечок увидел впервые и очень им очаровался. Бокаловидный гриб, чёрная как сажа, трубчато-рюмочной формы не так красив, как «мозг» и «чаша». Но за неимением других грибов в апреле вполне норм для рассылки по мессенджерам. Три странных гриба, первые в лесу, в весну и в моём личном интернете грибов в 2022. То-то ещё впереди. Альбус и я, мои семейные. Забредём не в такие дали, в разных областях и городах, наснимаем ещё чудес, сможем атлас составить. Птицы тоже радуют. Из новенького – вяхирь – огромный и аккуратный, не в пример его городским сородичам-голубям, цвета пыли и тоски. Вяхирь шумно взлетает повыше и смотрит на пса, на меня, позволяет рассмотреть свою крошечную головку на внушительном тельце. Не удивительно, что в дикой Европе местами на тебя охотятся, вяхирь, этим убийцам только дай пример. Застрелят, не разду-

мытая, уж очень ты, вяхирь, на вид мясистый и чистенький. Завершаю обход леса и констатирую. Кроме единственной кучи в тени у забора, размером с ламповый телевизор, снега больше нет. Завтра май, пора уже разснежиться. Пёс бежит за жёлтой бабочкой...

Май.

На земле снега нет, но уезжая с работы четвёртого числа, прорываюсь сквозь мрак и снежные хлопья величиной с приготовленный поп-корн. Залепляют на несколько секунд лобовое, скрывают солнце, превращаются в дождь. Май холодный, как то лето, где умер Сталин, как то лето, где у тебя украли детский велосипед. Вспоминаю о парадах и патриотах, настроение портится. Всё чаще встречаются георгиевские ленточки и буквы «зед» на иномарках из недружественных стран. РБК превратился в помойку, на ВВС пишут о скорой мобилизации. Никому не верить, ничего не ждать. Вестей от знакомых с фронтов нет. У Коли-ЧВКашника телефон отключён не первый месяц, дурной знак. Всё выглядит как очередная бойня, за которую будут платить граждане даже не успевшие вникнуть в суть, их дети и внуки. Сколько таких уже творили люди? Репетиторы жалуются на немотивированную дочку, у которой на мой взгляд есть всё чтобы выбрать, подготовится, поступить. Кроме самого главного, осмысленного желания. Небо цвета старого фингала. В центре фиолетово-зелёное, разлагается биливердин, по краям тёмно-синее и розовое, ещё с гемоглобином. Новости, словно обои в заброшенной квартире. То есть видел сто раз, сдираешь, а там всё то же. Дети неготовые ни к чему. Полный офис весёлых тёток, собирающихся в Грузию и с круг-

лыми глазами, сдающие деньги «для кого-то из кажется Донбасса». Полный телефон сообщений про вербу, потом про Пасху, потом про мир, май, теперь сменяется картинками с задорными Т-34 и орденом «Красной звезды». И снова про мир на земле. Скорее домой, сквозь снег, там, где меня никто не найдёт. Дома можно заняться мирским мелким своярубашечным, например, однажды начать ремонт и не заканчивать его уже никогда.

* * *

На кухне меняют огромное пятистворчатое окно. Монтажники в хорошем настроении рассуждают о неведомых мне материях: саморезах, стяжках, бетоне и геометрии квартиры. Сильный украинский акцент, крашенная чёлка, могучие предплечья. Будто геи-богатые из сказки. Прислушался, может всё-таки белорусы? Нет, гости с юга, малоросы, недоросы? Лишь бы оказались профессионалы. Ещё только тихо, по-детски зажужжал первый шуруповёрт, ещё все окна на местах, как в дверь раздался звонок. Подумал – соседи, яжматери с нежными беспокоящимися во сне утырками, которых нельзя беспокоить с 10 до никогда и с 13 до совсем вообще. Скорее бы родили ещё тройню и поняли, как ничтожны были их проблемы с тем первым, игрушечным инстаграмным чадом, о котором им рассказывал десять лет д-р Комаровский. Со следующей тройней есть с пола и спать

под шум бомбёжки – это ОК. Открываю дверь, стоит высокий парень в спецодежде с ярко выраженной среднеазиатской внешностью. Третий монтажник, опоздавший? Войти отказывается, что-то тычет пальцем мне за спину. По-пушкински очень плохо, с трудом находим общие слова. Оказывается, он хочет забрать старые окна (что ещё стоят в кухне). Как он узнал? Всё ещё на местах, снаружи работ не видно, да и 17-ый этаж. Договорились что позвоню, как извлекут старые конструкции, гость с Востока ушёл. Монтажники ржут. Говорят, что «эти» считывают даже если будет 30-ый этаж, моментально. Потом они продают эти старые окна куда-то. Тем, кто строит дом? Неясно. После этой паузы возвращаюсь к ноутбуку. Продолжаю работу под шум сверла и шарканье веника по заранее расстеленному полиэтилену. Как в любом ремонте с ростом числа работ растёт число работ. По снятии окна мне предъявляют обоснованные подозрения, что сверху по швам течёт вода и затекает вдоль рамы внутрь. Оттого и обои наши вздыбились. Такие проблемы скорее устраняются снаружи, альпинистами и новыми швами. Не знаю, проверить не могу. Может и монтажники окна что-то не хотят брать на себя. Сфотографировал всё. Придётся идти в управляющую компанию, что всегда страннoсложно и часто без подходящего результата. Будет это уже после выходных, после нового посещения города родителей, города недорогих куриных шей для пса, города с лесопарком, по которому протекает не только речка Ясенная, но и часть нашей жизни.

В смоленской Реадовке наступил День белых цветов. Это солнечный весенний день, когда поверх совсем молодой светло-зелёной травы распускаются белые семилепестные цветочки. Их становится больше, чем травы, больше, чем им предшествовавших фиолетовых. Местами чудится будто снег так и не сошёл. Море белых точек, скоплений, созвездий. Монохромный контраст с вяло-коричневыми стволами, чёрно-малахитовыми лужами и пожухлыми листьями начала века никакого цвета. Хочется назвать эти белые цветы подснежниками, первоцветами, какой-то ещё иной магической номенклатурой, чем-то из сказок про Бабу Ягу. Но имя этому подснежнику – ветреница дубравная и она захватила лес на этот короткий срок. По латыни «дочь ветров», а по интуиции, говорит мне ветреница, что на месте этого смешанного лесопарка, в который хвоя забралась недавно, раньше был дубовый лес. Цветы белые многолетние, помнят, что до этого всего было совсем не это всё. Ветреница знает, здесь были дубы, оттого она и завелась. А сейчас чёрт ногу сломит, берёзы, тополя-паразиты, ели, орешник. Пёс не обращает внимание на ковёр семицветиков, ему интересна погоня за тяжёлым шмелём и бабочками. После Дня белых цветов здесь наступит День когда папоротник раскроет свою спираль. Рождающиеся из земли в виде туго скручен-

ной спиральки, сначала защищённые тонкой коричневой корочкой, зелёные ростки её сбрасывают, постепенно встают, увеличивают диаметр кружка, а затем по часовой стрелке открывают веером ни с чем не спутанные листья папоротника. Один день – и нет зелёных спиралей, на месте их аккуратные пальмочки. После наступит День обновления красных перьев у пёстрого дятла. Бело-чёрный, как летающая зебра или берёза, в брачном сезоне дятел вдруг при каждом взмахе показывает мне свои подкрылки, бочка, пузико, и там, совсем другой цвет. После зимы оперение обновилось, очистилось и стреляет красным сверху. Такого красного больше нет в лесу, в начале мая никто ещё не посмел так ярко махать крыльями. Шапочка хороша, пестрота хороша, но эти скрытые под опущенными крыльями алые подбои – великолепны. Из скромного младшего брата своего известного рокера большого чёрного дятла, пёстрый дятел превращается в примадонну. Красный как «Феррари» в потоке машин, красный как трусея на ГНТ. Эти реадовские праздники, эти Дни, отмечают не все, я не всем о них говорю. Это праздники регионального значения для узкого круга ограниченных людей. Все отмечают в эти дни совсем другой день. День Победы. Накануне встречаюсь в девчачьем «Питер Пуше» с Олегом, мы спорим обесценили ли текущие события память той войны. Как будто была какая-то хорошая война, а теперь наступила какая-то плохая. Умные люди не заходят далеко в своих спорах. Кушаем пиццу, пьём имбирь. От этого война ста-

новится дальше и безопаснее. Доходит до юморных историй из моих командировок. Без разрешения вываливаю на друга рекомендации по сериалам, книгам, театрам, музыке, как будто он спрашивал и как будто мне жизнь не мила без того чтобы он всё это не потребил. Вспоминаем Будапешт, мечтаем о новых путешествиях, выходим из кафе в ливень. Под первую часть оперы Градского довожу его домой и под вторую еду на встречу с ржевским другом. Ожидаю от того такого же спора о жизни и смерти, о войне и мире, интересна его позиция, человека военного, человека думающего о будущем двух сыновей. Но открывается дверь и оба они, жена и сам, стоят в новеньких чёрных футболках с белой буквой Z. Сразу ясно, что говорим теперь о вине, рыбалке, дрянном смоленском театре. Ни моя супруга, ни его, войну не поминают. Умный друг снял вопросы с порога. Наедаемся как всегда чрезмерно. Прекрасные гости. Приедем, помним, любим, скоро-скоро. Утром немного шалит голова, но не настолько чтобы не мог погулять с пёсиком по Реадовке. Снова туда, где только что был День птички берёзовки. Парк – пустой, весь город концентрируется вокруг парада и шествий 9 Мая. Ничего не думая, как просветлённый монах, жую завтрак и смотрю парад на Красной площади. Ничего не думая, смотрю на сороку во дворе. Какую новость ты принесла? О том, что пора возвращаться в офисную Москву? Это не новость, тут я сам как сорока-предсказатель.

Что может быть хуже, чем возвращаться в Москву 10-го мая. После долгих выходных, когда каждый клоп вылез из сити и ускакал к своему забору в далёком далеке, все непременно возвращаются в одно время. В один жгучий час заката. Обычно, наше семейство делает всё наоборот, движется против потока. То есть уезжает куда-то в воскресенье, а возвращается в пятницу. Ни пробок, ни плохого настроения. В эти майские так не вышло по ряду причин. И вот я изучаю, что может быть хуже, чем ехать в пробке по Минскому шоссе, где пробка-то из-за того, что ранее по Минскому половина свернула чтобы позже влиться в Минское снова и родить вторую пробку на развороте на Минском. А ещё очень много машин и всего одна дорога на запад из Москвы. Много лет я говорил «москвामинское», как всамделишный смолянин, так они говорят. Теперь – просто минское, как москвич. Пробка на простоминском. Так вот хуже, чем бесконечность пробки с лесом за окном может быть ситуация, когда вся семья с соплями и головной болью. Сидим и чихаем друг на друга, сморкаемся, массируем висок. Хуже, это когда половина радиостанций не ловится, а когда поймались, ты уже устал слушать шум и мозг просит выключить всё. Голос твой охрип и выключился сам, тебя не слышит никто. Возможно, у них заложены уши. Или же у тебя и ты не слышишь ни се-

бя, ни ответов на свои вопросы. Хуже, это когда обещал ребёнку перекусить по дороге, но нет никакого «перекусить», потому что нет никакого там «подороге» где тебя застала река машин, и это уже будет не полдник и не обед, а ужин дома, который никто не хочет приготовить. Это просто уже невозможно. Хуже, это смотреть как пёс дышит сзади и суёт нос в окно. Но стоящая фура своими адскими парами серы не даёт открыть стекло. А если уменьшаешь температуру кондиционером, понимаешь, что самому холодно, так будто у тебя 39 градусов. Хуже, это когда последняя конфета кончилась сразу по выезду из Смоленска. Хуже, от невнимательности случайно включить обогрев руля и думать, что у тебя что-то не то с руками. Много-много неприятного может сделать пробку хуже, чем она есть. И ещё впереди находка, что на платной не принимают карты, а денег наличных у тебя нет. Впереди ещё боль в тазобедренном суставе и пятке от постоянной игры газом и тормозом. Впереди подрезающее хамло и ураган пыли, поднятый обочечниками. А ты уже сдаёшься. Пусть эта дорога кончится. Я закажу ужин курьеру как князь, поем и рухну на диван. Хуже могут быть только сопли, что не высмаркиваются и не дают лежать, заполняя все синусы и поднимая тебя как ваньку-встаньку чтобы попытаться высморкаться, а это не получится. Хуже ночь с больной головой и недышащим носом. Перенос репетиторов и всего на свете, что только можно перенести на завтра, лучше на другую жизнь. Где ты, другой день без всего этого? Хуже, если

этот день так и не настанет. Но приходит ночь и покой. Плед сложен на стуле, а пёс сложен калачиком в ногах. В старой Москве ещё горят огни, может Азazelло жжёт рестораны, не знаю, в нашей Новой ресторанов нет, ночь выключила свет. Обесточенная память забудет 10 мая.

* * *

Утром жизнь в Новой Москве шла своим чередом, не смотря на календарный май, треснутый мир и капиталистический труд. Утром в наш район пришёл шум. Сначала от порывов ветра. Все дворы разом превратились в аэродинамические трубы. Детей без ранцев и непривязанных собак уносило в Алёшкин пруд или просто до ближайшего куста. Ветер принёс короткие сильные дожди. Они не выливали капли вниз, а бросали их с усилием отчего шума было больше. Капли разбивались, отскакивали, ударялись об отливы, крыши машин, попадали своим телом на предметы выдающие наибольший шум. После грохота дождя начинали кричать дрозды. Гоняли над лесопарком ворон, что охотились на гнёзда. По двое дрозды преследовали ворон и старались попасть помётом на крыло врагу. Стрекотание и щебетание походило на звук, который тупой мальчуган издаёт проводя железной палкой по прутьям железного забора на бегу. Лес весь состоял из дроздов-мальчиков с железными прутьями. Все деревья стали железным забором. Звуки гремели,

сталкивались друг с другом и от того грохотали ещё больше. Шум распространялся и от дороги. До нашего идеального нового района дошла наконец смена бордюров. Сезонная московская спартакиада. Отличная дорога была вскрыта-скрыта-взрыта. Как бы нечаянно снимаемая прекрасно пережившие всего пару зим бордюры трактор своим стальным пальцем задевал всё вокруг. Выдёргивал ограждение тротуара, лежащих полицейских, столбы и вывески. Больше работы богу работы! Всё включено в Москве. Смена бордюров превращается в смену всего полотна и тротуара, а затем в фигурное выпиливание люков, дорожек для незрячих, светофоров. Всё шумит. При входе во двор застаю первую в этом году стрижку газона. Неясно, что там успело отрасти, но после газонокосилок двор выглядит лучше. Подшумливают немного, сидящие на корточках рабочие из Средней Азии, выдирающие совками одуванчики. Москва всем найдём работу, да пошумнее. Так проходит день. Утром воющий ветер приносит облака, свистят щели на балконах, скулит сам воздух, скрипят стволы окрестных парков. Дождь включает громкость на раз-два, перекрывает гул бордюроуничтожителя. Грузовик убегая от дождя уносит в какой-то неведомый секонд-хенд бордюров наш районный камень, вполне сносный для Красной площади, подпрыгивая на ямах и гремя как танк. От шумного этого мая скрыться удаётся только в центре. С супругой снова обходим примечательности столицы. Очередь МГУ. Читаем друг другу легенды о главном зда-

нии, обходим Ботанический сад, совсем нестрашно спускаемся по канатной дороге до Лужников и обратно, какие мы уже московские москвичи. Не удивляемся чуду стройки высоченных слаломов, корабликам под нами, ничему. Из 50-х годов СССР, окружения МГУ, переходим во всамделишный китайский ресторан. Большая часть как зала, так и персонала настоящие китайцы. Шумят, курят, говорят по-мандарински. Мелкий негатив уходит когда начинаем кушать. То, что так много «местных» – важно. Сычуаньская кухня у каждого метро, но, чтобы вот так, среди носителей, от повара-китайца, за крутящимся столом. Шумно, остро, вкусно. Как хочется сходить сюда с кем-то из друзей-смолян, когда они перестанут кочевряжиться и наконец-то приедут в гости. Золотое и красное. Ресторан по-московски. Всё в этой середине мае по-московски.

* * *

Перезагрузка, еду в Тулу, в командировку. Утреннее такси притормаживает у дома «Вернадского 33», смотрю сквозь мелкий дождь на здание. Все балконы фасада одинаковые, с такими наружными щитами из жестешифера покрывающие внешнюю нижнюю часть балкона. Страшные, дождливо-холерные. Каждый набалконный щит покрыт какой-то плесенью, сырым лишайником или ещё чем-то. Как будто забыли хлеб в хлебнице на неделю и на нём зародилась новая жизнь.

Так и на этих балконах. На каждом слой слизи, слой новой, серо-зеленой жизни. На балконах – никого. Никто не курит, не смотрит на погоду. Жители опасаются выходить, зародившаяся жизнь утащит их на уличную сторону, прислизит к жестешиферу и оставит приклеенными под дождём. Остаток пути до деревянной скамейки на Курском без новых наблюдений. Занимаю позу человека готового даже на скамейке принести пользу обществу и работодателю. Включаю ноутбук. «Обновление системы – 0%». Ноутбук – чрезвычайно удобная штука, можно приехать на вокзал, достать и смотреть как обновляется система. Не нужно сидеть для этого дома или в офисе. Мобильная вещь. Приятный синий цвет экрана, голубой. Голуби под потолком тоже смотрят, слетают и проходят по рядам в поисках крошек. Провод спускается к розетке под сидением сквозь какую-то морось, пот вокзала, надо обработать его салфеткой или спиртом. Провод тоже заслуживает быть чистым. Над рядами скамеек под толстым прозрачным пластиком растут искусственные цветы. В центре зала – целое искусственное дерево, огороженное богатым забором. «Подготовка системы – 0%». Кто-то покушался на искусственное дерево? Почему в кадке не поставить натурально? Коленки постепенно нагреваются от компьютера. Люди вокруг просыпаются. Вид их отсылает к песне – «сколько кресел износил в привокзальных городах» – или как-то так. Странный человек снимает на видео влажное нутро вокзала, потёки на потолке, жёлтые пятна стен, тонкую

лужу в центре. К нему подходят молоденькие милиционеры, стоят рядышком, как молодожёны, ничего не говорят, ничего не происходит. «Перезагрузка». Стены вокзала разрисованы на манер петербургских дворцов, фрески имитируют лепнину, изображают города России. Я сижу под Петроградом, вокзал основан в 1887. Больше информации мой утренний мозг не находит. В руки просится телефон с каналами новостей. «Очистка – 0%». В мире всё по-старому: нефть и газ решают с кем дружить, убито столько-то националистов, остальные в панике бегут, не о чем, то есть мне беспокоиться. Ночь прошла так как положено. Ноутбук также долго обрабатывает и каждый «0%», и каждые «100%». Особенно долго зависает на очистке. Представляю на минуту, что очистка сотрёт мои дневниковые тексты. Будет обидно, будут все стадии отрицания, принятия, гнева, что там по списку. Понимаю людей, разбивающих ноутбук об стену. Снова «Перезагрузка». Худенький парень тащит два чемодана и переноску для маленькой собачки, самой твари не видно. Рядом толстопопая девушка направляет его и несёт мороженое из KFC. Вчера стало известно, что Макдональдс окончательно уходит и продаёт всё местным. Сумасшедшие москвичи отправились отмечать это событие в последний незакрытый блокпост на Ленинградском. Чтобы оценить эту новость не хватает данных о том, кто заменит Мак. А то вдруг будет ещё хуже. «Не выключайте ноутбук». Очень удобно всё же, можно обновить систему в любом месте, даже там, где ду-

мал посидеть-поработать. Отлично придумано. Не спрашивать пользователя, запускать эту магию обновлений в самый нужный момент. Я отсидел на скамейке ровно столько времени за сколько заранее приехал на вокзал. В момент, когда обновления завершились и исчезло последнее «Не выключайте компьютер», я встал и пошёл к электропоезду. Место у окна приятно украшено каплями дождя, наклеенными с обратной стороны. Преломляется изображение и время. Организм не проснулся, низкая облачность и атмосферное давление очень кстати. Где-то вне времени и вне изображения за окном, через мелкую пыль воды я выдвигаюсь в Тулу. Включённый ноутбук, обновлённый и кажется более живой, чем обычно, известил, что разрядился. Столько времени был включен в сеть и умудрился не накопить энергии, всё отняло это обновление системы. Компьютер со мной с первых дней работы в компании, шесть лет. Может и пришло его время не накапливать заряд от розетки. У меня никогда не было ноутбука так долго. Я также не работал на одном месте более шести лет. Перезагрузка и новая командировка.

* * *

Самара, та самая которую часто путают с Саратовым. Теперь побывал в обоих городах. Ничего вдохновляющего за их посещение сказать не могу. Работалось в Самаре хорошо, но вот гулялось, ездилось и шоппилось не на уровне. Го-

род домов и машин. Полями от самого аэропорта стоят трёхэтажные леса безликих домов в стиле корпусов психиатрической больницы. Безликих настолько, что не замечаешь где заканчивается один и начинается второй дом. Все двери, окна, подъезды, улицы ими образованные одинаковы. Всё припорошено припаркованными авто. Машин больше, чем людей, чем домов, чем неба, чем травы, больше, чем в Москве и Питере. По мере продвижения к центру дома становятся выше, вплоть до циклопических размеров, но безликость свою они не теряют. Весь город показался мне сидящим в автомобиле. Каждый по одной персоне в своей карете. Пешком не ходят до булочной. Дороги утрямбованы машинами, припудрены и панированы ими. Общественный транспорт, хоть очевидно присутствует, наглые как еноты трамваи хотя бы, но не в чести у местных. Самара сидит в машине и едет от одного квадратного апартамента к другому. Московские пробки просто дети по сравнению с местными. Здесьние, говорят, от малейшей аварии становятся многочасовыми. Все двory всех домов и все стоянки всех ТЦ заполнены четырёхколёсниками. В отсутствии того, что я посчитал бы парком или клумбами, газоном, создаётся впечатление города с победившим социализмом. Каждому по квартире и машине. Остальное в печь. Магазины пустые как по товарному, так и по людскому вопросу. Не смог купить интересных сувениров. Набережная разрекламированная в интернете, пляж, присутствуют, но они просто набережная и просто пляж в моём пони-

мании. Никаких вау и ух-ты. Волга проступает сквозь ряды припаркованных авто, видится, что она торопится уплыть от обычности городского берега. Всё неинтересное. «Мужик с гусем» совсем не смешной. Походит на поделку ребёнка с ДЦП. Пивзавод размером со стадион – это всего лишь пыльный дом. Стадионы футбольные – разрушающаяся память о чемпионате мира. Остальное – перестроение машин, расстановка домов-коробочек, парковки, стройки, снова перестроение, гул дороги. Смертельно больные трамваи наперегонки с троллейбусом-рахитом везут по два пассажира со скоростью пешехода. Обгоняю их, в шуме пропускаю два входящих. Вздохнув на реку, возвращаюсь к отелю. Хорошо поработал всё же, есть что вспомнить. А гулянки, для этих дел есть Смоленск, Москва, другие города. Говорят, Саратов хуже, я плохо помню, столько дорог в моей голове. Говорю вам, что Тверь местами хуже, а местами лучше, но это неточно. Но Самара, она такая, как есть. В прекрасном аэропорту сижу и жду встречи с Внуково. Здесь светло и чисто, а главное нет машин и домов. Знал бы, раньше приехал. Буду взлетать попробую со своего ЗВ увидеть Волгу ещё раз. Я встречался с ней уже везде кроме Астрахани. Все крупные города, начиная с Ржева, мной посещены. Не могу назвать её своей рекой, не купался, не ходил на теплоходе, просто встречался с ней премного раз. Остался исток и устье.

Вернувшись в Москву с большим сожалением обнаружил, что людишки нашего района начали осваивать ближайший лес. Мало им показалось парков и полулесопарков в округе, добрались до того самого, который я считал своим несколько лет, нашим. Под «нашим» я имею ввиду, что лес принадлежал до этого лета почти безраздельно узкому кругу собачников, паре грибников и наркоманам ищущим закладки. Последние не напрягали сильно. Лес большой и разбавлял их норки с сокровищами, выгонял их острыми ветками, не пропускал на дальние рубежи. Грибники люди сезонные, привязанные к влажности, тоже не создавали трафика. Лес был нашим, моим, со всеми его ручьями, дятлами, белками и мухоморами. После нескольких подряд командировок мне удалось отчётливо увидеть, что появилась новая грань у этого человеческого стакана, новыми тропинками пошли людишки под лапы елей, новые типы двуногих поселились в светлое время в когда-то «нашем» лесу. Можно простить невинность шалашей, что строят подростки из аккуратно спиленных веток, на которые затем кладут леруашную плёнку и вручную покрывают всё срезанным мхом. Вред от такого срезания-пиления колоссальный, но итоговый шалаш из оцилиндрованных веток радует глаз и служит делу воспитания новых робинзонов и следопытов. Как же силь-

но будет разочарование этих, по виду 12-14 летних мальчишек, когда их дом обнаружат взрослые, что начали слоняться с бутылками и шампурами в лесу. Боль разрушения рождает ненависть и желание разрушить что-либо в ответ. В мире появится больше разбитых фонарей, сломанных заборов и перевёрнутых урн. Невинность мадонн, обнимающих сидящих на руках болонок и чихухаёв, тоже хочется простить. Эти девушки, страдающие ломкой по инстаграмму, отчего-то прутся в глухой лес выдавая свой страх крепким объятием собачонки, которую вполне устроило бы каkanie у подъезда под скамейку. У обеих самок круглые большие глаза, свежесть хвои сносит привычные мысли. И всё бы ничего, если бы не роняли мадонны с собачками влажные салфетки, пустые бутылки из-под кристально чистой святой воды, не звонили на пол-леса несмелым оставшимся в многоэтажке. Но скоро за мадоннами пойдут и их бандерлоги, припаркуют свои машины с 03 да 05 регионом у опушки, двинут баленсиаги в глушь, сопровождая девушек и роняя уже куда более серьёзные мусорины: пачки сигарет, банки энергетиков, износившиеся коврики автомобилей. Самые страшные новые гости леса – пикникчики. Людовеки из соседних домов с огромными колонками, вёдрами маринованного мяса и ящиками алкоголя. Их костры видны сквозь лес издалека, их музыка, какой мне никогда не рекомендовал Яндекс до сих пор, слышна, наверное, в Одинцово. После них остаётся не грязь, нет, это называется как-то иначе. Половины ку-

риц, десятки помидорин, несколько мангалов, пластиковое поле на котором Буратино сможет зарыть свои мечты и надежды на лучшее. Они даже не съедают, что приносят. Среди них много женщин, детей, это не ЗеКи откинувшиеся и радующиеся свободе потеряв на час контроль над собой. Это наши соседи, имеющие десять миллионов рублей чтобы купить здесь квартиру и ещё пять чтобы забить двор машинами как шпротами банку. Несколько собачников, таких как моя жена и её подруги, пара женщин пенсионного возраста, ещё кто-то, пытаются убирать за этими пикникчиками. Но силы неравны. Один-два пакета, которые может вынести из леса собачник – ничто по сравнению со следующей пятницей и субботой, когда лес получит новую рану, новую мини свалку. Владельцы собак действуют здесь не только в интересах экологии и эстетики. Они вынуждены убирать за людовеками чтобы собака не стала есть их объедки, не отравилась распадающимися полуфабрикатами, не утратила своё привычное меню и воспитание, культуру еды. В этом неравном и обречённом на поражение бою со стороны собачников участвует меньшинство. Те, кто с крупными псинами привык гулять в лесу. Понятно, что те 70 или 80 процентов собаколюбителей, что оставляют свои какашки во дворе и в лес не ходят, в нём не убирают. Знаком, что в лес потянулись худшие представители хомо явилось событие, которого ещё не бывало в местных кварталах. Случайно гуляя с Альбусом, супруга с подругой набрали на шабаш новых москвичей. Около две-

надцати взрослых стояли кругом и очень громко кричали, взывали к каким-то силам. Ведущая призывала «понять» и «увидеть», отдельные мужики бегали по лежащим стволам, женщины вопили, всё складывалось в неровный вой-рѐв. В центре круга они развели костѐр выше роста людовека. После себя оставили массу ленточек на ветках и крупные куски горного хрусталя, что продаются на выставках «Чудесные самоцветы». Огонь, ор, подношения лесу творились среди дня, в десяти минутах от ближайшей 17-этажки. После объятий с испуганными деревьями, наоравшиеся разошлись. Пытаясь понять кто эти нечаянно родившиеся, я вбивал поисковые слова в телеграм-чаты района. Но на всё, что касалось «секты» мне предлагали рассмотреть чат епархии и расположенной неподалѐку резиденции патриарха. Разумеется, это один и тот же уровень, но всё ж канала именно этих лесных крикунов-поджигалей я не нашѐл. Значит, интернет им запрещѐн, как вода мормонам. Какие-то иные, практичные, получающие зарплату на вырубку мѐртвых деревьев стали в «нашем» лесу вырубать здоровые, более удачно расположенные стволы. Прореживание дошло до широких троп. Тропы привели в лес мотоциклистов. Трѐш продолжается. Финалом моего разочарования в людовеках-убийцах леса стало сообщение от застройщика. В нашем районе одобрено строительство ещё десяти домов, их которых два будут стоять непосредственно у леса. То есть до нашего отъезда из Переделкино Ближнего осталось около двух лет. Но есть ли где-то ЖК

Обетованный, где не живут людовеки ценители шашлыка и водки, где собаки воспитаны и хозяева хоть немного походят на них своим поведением?

* * *

Забыть о раненом лесе помогает прогулка по старым улицам Москвы, где лес стоял ужасно давно и это уже никого не колышет. На этот раз обошли с супругой район Больших да Малых Никитской и Бронных. Все эти приметные Ножовые, Скатертные, Поварские, вся память, что жили здесь слуги царя, ведавшие кухней. Двигаться по таким местам быстро не получается, у каждого дома мемориальная табличка, памятник, список выдающихся жильцов, начиная с опричников. Задержались у тестя Пушкина, пытались заглянуть в окна рябушинского модерна, что отжал себе Горький, устав, съели пиццу в ресторане в подъезде Никулина. Ресторан с видом на ресторан. Табличка про Моргунова с видом на табличку про Папанова. Дом архитекторов, дом актёров, дом Берии, дом опричников... Все властьподлизающие, властьугождающие, властьдержащие или властьюхвалящие. Одинокое на краю этого куска старины приютился лишь оригинальный дом Лермонтова, чудом уцелевший между Ваалом Нового Арбата и Люцифером элитной застройки переулков. Пожалуй, лишь Лермонтов не очень вписывался во все эти советские и царские властьобслуживающие квартиры. Лермонто-

ва убили в ходе спецоперации и он не успел стать власть-угодным. Отличный солнечный день. Полоска кожи на лбу согрелась и пыталась загореть, зачесалась, вспоминал мой лоб Кубу да Крым. Такие, знаете, места, где лоб сгорает без головного убора. Но и в Москве хорошо. Вкусно. Приятно. Благостно понимать всю эту историю-быль, как на неё на-низана новейшая переписанная история, как интегрирована коммерция. Как мало здесь латинских модных букв на плакатах по сравнению с провинцией и Питером. Финалом прогулки, когда еда уже ударила гипергликемией по мозгу и никуда не хочется идти, стало разглядывание окон домов вокруг и соответствующие им статьи в «Авито». Агрегатор дал нам информацию о стоимости недвижимости слева и справа, позади и перед нами, на этих проулочках что хранят покой замурованных речек, питающих пруды зоопарка. Тридцать, сорок миллионов ещё понятная цена, переплата за район, булгаковскую чертовщину и меню новиковских ресторанов. Надо только понимать, что 30 и 40 это за убитую партийную ячейку, построенную для какого-нибудь зампредкома в обычном улучшенном советском стиле. Кирпич и стекло, микролифт и вид на стену соседнего дома. Купить что-то больше похожее на творение Шехтеля придётся уже за 250-500 миллионов, то есть по цене огромного особняка в Подмосковье с конюшней и домом охраны, или по цене районного города в Смоленской области. Это всего лишь квартира. Такая она Бронная и Никитская. Такая она Москва

шаговой доступности у тестя Пушкина. Волновался ли поэт глядя на дом папы невесты? Думал ли о цене недвижимости? Музей военной формы отвлекает внимание, мы уходим к жерлу метро, мимо дома-прототипа Ростовых из «Войны и мира», мимо таких же гуляющих со лбом подставленным майскому солнцу, москвичей кому достался и в то же время не достался этим летом Крым.

* * *

Из населённых персонажами фильмов детства улочек Садового кольца снова попадаю в лес. Это необходимо для прогулки с собакой, для проветривания головы. Чем хуже погода, тем лучше, меньше будет встреченных. Как раз такое утро дарит Внуковское поселение и мы, пёс и я, мокнем в высокой траве и перешагиваем упавшие стволы. Как долго умирает дерево. Молодые мёртвые деревья можно вполне принять за просто накренившиеся. Часто они с зелёными листиками полулежат, опершись на соседа, положив своё тело на развилку этого ствола. Проходит пара недель качания на ветру и всё же мёртвое падает, не притворяясь более живым. В миг все листочки оказываются скукоженными, либо волшебным образом отсутствуют. Покидают ствол и ветки. Не понимаю как, но мёртвое дерево будто раздевается снимая ветви в первую очередь. Только немногие из них сломались от падения, куда же исчезли остальные? И вот, ис-

полин лежит недвижимо начиная превращаться в валежник. Через месяц-второй ствол лежит уже далеко от места прошлого роста, отползает от корней, раскрывает кору. Его начинают таскать в качестве переправы через ручей или натирать задницей приготавливая куриный шашлык. Стволы становятся легче и их складывают квадратом для удобства пикника, режут ножом, отбивают на растопку, чернят оказавшимся рядом костром. Стволы, забравшиеся в более дикий и колючий угол, через сезон покрываются грибами, мхом, кора на них встаёт пузырями давая входные ворота насекомым. Расщелины на концах бревна походят на раскрытые рты крокодила, обломанные сучья и вдруг ставшие многочисленными дупла, какие-то дыры, походят на глаза и уши спящей змеи. На следующий год немногие оставшиеся ветки становятся острыми как иглы и ломкими как солома, ствол на несколько сантиметров зарывается в землю, с которой на него ползёт мох. Грибов становится больше, появляются не только древесные, тутовники, но и собственно человечьи кулинарные виды. Дерево снова полностью зелёное из-за мелкой растительности, всех этих миллиардов грибов-водорослей-мхов-лишайников. Где-то сбоку на ствол садится бабочка или шмель. Они живые, а дерево мёртвое. На следующий год ствол зарывается на треть в сырую землю. Если на него наступить, то чувствуется начало пустоты. Время использовать дерево как валежник уходит, внутри идёт работа по перевариванию гиганта. Это уже дом маленьких трудяг, червей

и насекомых, что превратят этот дом в прах. Проходят зимы и весны, и в какой-то момент только полоска на земле покажет где лежит ствол. Мягкий как взрытая земля. Старое мёртвое дерево. Пишут, что в зависимости от породы полностью оно исчезнет за 40-120 лет. Гуляя, по нашему с псом лесу, мне иногда кажется, что этот цикл короче. Каменной плотности стволы размягчаются за одну осень, кора отстаёт за неделю, мох и грибы берут своё на ещё полустоячем дереве. Был гигант, высотой в дом, упал и превратился в кашу, в тряпку, в росу на папоротнике. Ботинок проваливается внутрь, рот крокодила отвалился, глаза-сучки закрылись, уши-дупла превратились в колодцы, полные жуков. Пень – могила дерева – сообщает как звали хозяина, сколько колец успел отмотать на земле. Подсказывает своей ли смертью ушёл или спилили аккуратно, отчего могилка-пень смотрится культурно. Кто-то невидимый приносит на могилу грибы на тонких длинных ножках каждую осень. Деревья умирают по осени, когда в лысом лесу ветер пробирается глубоко, ничем не остановленный, раскачивает и валит больных и стариков. Смерть всегда немного присутствует в лесу.

* * *

Однако смерть ушла из регулярных новостей. Стала далёкой, стала жить на какой-то чужой земле, под всеми этими Новодонецками, Старолугансками. Не стало её как в про-

шлом году под каждым кустом. Коронавирус отступил, подрыгался судорогой омикрона, но отступил, забрав смерть с собой. Больше нет разговоров с родителями о том, что кто-то троюродный, внучатый или сосед соседа умер вчера-сегодня-когда-то от КОВИДа. Нет по секрету сказанного бывшими коллегами о всей правде, о том, что лечат неправильно, нечем лечить или лечат не в инфекции, а в психбольнице. Открывают койки в палатках, на стадионах, заманивают на работу врачей из маленьких городов. Мои друзья-врачи и сами не болеют больше по второму-третьему разу, и не рассказывают про смерти пациентов от странных осложнений. Никто не ходит на работу с инфарктом, перенесенным в тридцать лет на фоне коронавируса, никто не затаривается впрок «эликвисами», никто, абсолютно никто, не спрашивает какая вакцина лучше, что делать если привился одним и тем же уже два раза. У всех есть нюх и вкус. Ровно в тот день когда фашисты встретились, одни с другими, коронавирус в панике бежал. В медицинских телеграммах ещё есть считалочка про омикрон раз, два, три, четыре и даже пять, там, в далёкой Португалии, где-то где нет и не было моей ноги. Но эта считалочка не сопровождается реальными смертями вокруг меня. Пять настоящих волн, последней из которых был омикрон, прошли мимо унося только родителей друзей, возрастных бывших коллег по хирургии, преподавателей университета, разных мало- и среднезнакомых, соседей родственников. Я лично знал их всех, эти десятки

людей в Смоленске и Москве, многим был лечащим врачом в прошлом, учеником, коллегой. Всё остановилось, закончилось, смерти больше нет. На фоне этого осознания новости про обезьянью оспу кажутся забавными, понятными и всё как будто уже было. Ирония, закрытые границы, да какая разница что там происходит с манкипоксом. СМИ отрабатывают свои деньги, люди болеют, как болели всегда. Просто заболели первые белые, первые геи, а что там было сто лет в Африке, это интернету неинтересно. Я слежу внимательно, по привычке, вступая в чаты и копируя ссылки коллегам. Вторая хайповость – новый вирусный гепатит, что уже привёл к серьёзным последствиям, вероятно, ассоциированный с КОВИД, тоже не пугает. Мне не пять лет и у меня нет панических атак даже если родится ещё пять новых вирусов. Интерес сохраняется профессиональный, трэкер включён, но как это всё далеко от того беспомощья когда знакомые тебе люди болели и умирали в 2020 и 2021-м. Посмотрим, в этом году предстоит посмотреть на многое, а то и поучаствовать.

* * *

Год начался и развивается как стресс-тест и мы вносим свой посильный вклад в разрушение мироуклада. Мы начали ремонт. Начали с самого уязвимого места дома – кухни. Умелый житель Узбекистана по имени Холик аккуратно вос-

хищается недоделками строителей, что вскрываются за обоями и плинтусами, ваяет нам новое завтра. Вот уже снят слой потрескавшейся штукатурки потолка, обои, люстра, набатареиники. Везде потихоньку появляется ровность, покидают кухню щербины в стенах, недосрезанная монтажная пена вокруг окна, стены становятся белее, в кухне поселяется эхо. Звук в пустой комнате накануне ремонта ни с чем не перепутать. Эхо разрушения. Жизнь ячейки общества меняется. В тазу для мытья лап собаки – гипс, чай и кофе рождаются в микроволновке, хлебница живёт в шкафу, а кухонный стол – в спальне, мусорным ведром назначается пакет в ванной. Играем в однокомнатную квартиру, вернее в странную безкухонную коммуналку. Чистота всё же удивительно присутствует в доме, стараниями жены и Холика. Он препятствует проникновению грязи из кухни в комнаты, она уничтожает то, что всё-таки просочилось. Пёс не заморачивается, нарушает границу прозрачного занавеса, валяется в строительном порошке, носит свои следы на балкон, пытается спрятать говяжье ухо в новой геометрии квартиры с перемещённой мебелью. Засыпаем мы под теперь слышный холодильник, что переехал к входной двери, аккуратно складываем вещи перед сном между микроволновкой и тостером. Милый несерьёзный беспорядок больше всех беспокоит супругу. Во время похода в «Леруа» за краской она заранее запаслась специальными тряпками для мытья пола. В нашем детстве эти тряпки рождались из фланелевых рубашек и за-

стиранных футболок, теперь в капиталистическом обществе их делают специально. Явившись за краской, мы совершили массу спонтанных, наверняка бесполезных покупок как в «Леруа», так и в соседнем «Метро». Чесалка для спины, цветные горшочки, кактус покрытый какой-то ботанической паутиной, штука для оттирания жира с посуды, посуда для жира, зелёные бананы, гулливерских размеров шоколадище, запас чипсов на полгода и ещё одна сумка чего-то нетяжёлого, но так нужного. Красные ценники, жёлтые ценники, мы припадали и делали «ку» правильное число раз. Во временном беспорядке эти вещи мигрировали по полкам и стульям, растворились, притворились домашними и необходимыми. Я не возражаю. Шоппинг это такая чистка чакр, такая гимнастика ума, без которой этот мир не прекрасен. Возвращаюсь к мастеру на все руки с его мерными намазываниями раствора на стену. Сообщаем о своей мечте побывать в Узбекистане, обсуждаем авиабилеты и погоду. Холик живёт в центре Бухары и может оказаться нам полезным. Говорит, что там всё дёшево и особенно необходимое в моём плане такси до Хивы. Есть какие-то телефоны и контакты, растёт и крепнет моя вера в путешествие. Под звуки размешивания новой строительной жидкости я уже гуглю билеты и гостиницы. Стоимость авиабилетов как раз равна ремонту кухни. Всё в природе гармонично. Идёт второй день вынужденного безкухонья, нас пока не сломить. Сверх того, отключают по плану горячую воду, играет пианино у соседей, во дво-

ре поливают улицы пеной, как во времена пандемии. Нас не сломить. Неделя без горячей воды в Москве смешна, мы выросли в Смоленске, где её отключают на пол-лета, если повежёт. Пианино вечером услышит нашу вечернюю игру в мяч с псом, а улицы, что улицы, улицы должны быть чистыми. Мы же по ним ходим за бесполезными покупками. Или в аэропорт чтобы приземлиться в далёкой Бухаре. Продолжаю работать из дома и проходить стресс-тест. То ли ещё будет, когда выбранный супругой цвет будет нанесён на стены. Пока я затрудняюсь его назвать. Это или сероникакой или голубо-грустный с зелёной ноткой. Специалист-колорист рассказал, что в реальности цвет будет темнее. Тёмный серо-грустный? Голубозелёный с печалькой? Волнуюсь не за это, а за то, что скажет Холик. Смотря на нашу насыщенную кухню цвета воды в Карибском море в дождливый день, он точно не ждёт от нас серости. Пока я тешу себя надеждой, что получится по-скандинавски серое, а не по-русски. Но ох. Это будет ещё один стресс-тест, увидеть наши новые стены. Новый образ сердца нашей квартиры.

Июнь

Как трудно придумать по-настоящему интересную и сложную историю, новый сюжет, чтобы увлекал и запомнился. Куда сложнее, чем новый цвет для стен на кухне. Не от того ли во всех театрах всех городов идут старые постановки. Они вписаны в новую эпоху и даже драматически изменены, но основа сюжета та же, что и в день премьеры сто, двести лет назад. В Москве театров больше, чем бородавок на жабе, они хорошие, отличные, в каждом есть два-три хита, что необходимо посмотреть каждому. Каждому, кто любит театр, конечно же. Года не хватит обойти. Но наибольшее удовольствие мы получаем от «онегинных» и «ле тартюфов», от нового прочтения старых пьес. Я полагаю, что проблема в сюжете. Несложно сделать постановку шикарнее, музыкальнее, сложно найти новый притягивающий сюжет. С супругой посетили очередного «Онегина» на Таганке. Здорово, что сказать. Молодёжь поёт и растёт, полный зал, богатые и провокационные декорации. Только лучше Пушкина не подобрать слова. Тексты были полностью изменены и не сказать чтобы неудачно, но всякий раз, когда подходила ключевая реплика, мне вспоминались слова оригинала. За каждым мини сюжетом тенью была более ёмкая и короткая фраза поэта. Какое невероятно полное и звонкое впечатление должно быть получили от спектакля те, кто не читал «Евгения О.». Или

делал это для оценки в школе много лет назад. У меня же сохранялось чувство, будто я на отличном спектакле поставленном спустя годы после того как текст поэмы утерян и кто-то через устную традицию сохранил суть, но не важные детали. Мы любим театр и понимаем меру прощения, что необходимо дать ему за такие эксперименты. Развитие важно, если всё качественно. Отсутствие той самой реплики, того самого нужного слова прощаем за голос и танец, за удивление происходящему, что мы сохранили, как важный навык. Чайковскому и Пушкину просто не продавайте билет на шоу и всё будет хорошо. Москва покрылась премьерами, как газоны одуванчиками. Всё шумит и искрится. В моём телефоне все сайты про сто дней войны, а за окном, в реальном мире, всё про лето и про новую жизнь. Парады трамваев, цветение сирени, вот-вот зафиксируем первый распустившийся в лесу ландыш. И где же реальный мир? В театре полном молодых и красивых, полном шампанского, полном зрителей или в телефоне, где в телеграм-каналах пишут про потери? На чистых улицах Москвы, среди свежих афиш, курьеров «Сбера» обгоняющих «яндексовцев» или в ВВС с его могилами и ракетами на фото? Всё круто хронизируется и затягивается, но война за 100 дней так и не шагнула по-настоящему на улицы столицы. Несколько первых недель погоняли протестующих, да и то, по выходным лишь, и в ясную погоду, однажды в парке кто-то повязал ленточку цвета украинского флага на скамейку, кто-то отменил поездку в Италию, и

не более того. То, что у нас, у меня лично украли вариант будущего с работой в международной компании, с отдыхом на морях, с пенсией на тёплом песке, это никого не волнует, об этом не кричат на улице. Мы потеряли несколько билетов на самолёты, но купили новые, переплатили за ряд товаров, выбрали новые, боимся осенних кризисов, но идём в осень, и в зиму, продолжает светить солнце, особенно над Москвой. В пандемию вокруг умирали люди, болели, страдали, сейчас эти люди далеко, просто цифры на сайтах, которым никто не верит. Нас изумительно изолировали от потока информации непосредственно с фронтов. Так что пока главная беда – это цветение тополя. Хотя в столице давно высаживают такой его вариант, что даёт наименьшее число пушинок. Все эти «боевые товарищи», травмированные люди с опытом убийства ещё не вернулись в города, ещё не поступили своих детей без конкурса, ещё не въехали в льготные ипотеки и не начали меня учить жизни. Психотерапевты ещё не перегружены заботой о них. Улицы не переименовали в героев неизвестных мне южных посёлков. Ста дней не хватило чтобы каждый понял, что произошло. Тополь зацвёл. Посмотрим, что будет, когда он облетит. Пока всё по местам. Выживает не умнейший и не сильнейший, а самый приспособленный. И как бы не хотел я мира, открытого и такого понятного-мого, будущего и цветочков, я не выхожу на улицу с лозунгами. Не пугаю афишу новых спектаклей, вкусно ем и хожу за овсяным стаутом. И никто не выходит «на улицы». Те, кто

были первыми, давно уехали или замолчали. Полный Ереван этих людей изменил рынок съёмного жилья. Может они тоже читали Дарвина. Трудно придумать новую историю, мы повторим на свой лад всё то, что уже было, с известным финалом и занавесом. Войны были, эмбарго были, пропаганда была, мы всё знаем, все помним, как оно заканчивалось. Плохо только, что не все читали «Онегина» и могут на самом деле радоваться обновлённым репликам, песням, рок-гитаре на шее Татьяны и не знать, кто кого убьёт. Они не читали первоисточник и не знают, чем всё закончится.

* * *

Так как современный постмодерновый театр и всякий сценический сюр куда как лучше отражают реальность, в которой мы живём, я пошёл на ещё одно представление. Дело было в рамках тимбилдинга с коллегами, снова на пересказ старой пьесы. Где как не в театре оценить адекватность тех, с кем работаешь. Театр не для слабаков! Досталось нынче от Таганки Сервантесу Мигелю. Дон Кихот у них на велосипедах вместе с Санчо колесил по Вологодчине, грабил фуры, убивал олигархов, спасал невест. Хотя на самом деле он воскрес в испанской реанимации чтобы посетить чемпионат мира по футболу в России и вступить в права наследства в Тамбове. То есть, как я уже сказал, театр не для слабаков. В тот вечер было всё за что я его так обожаю. В про-

цессе представления произошло ещё одно событие, которое делает мою оценку похода в театр завышенной и незабываемой. По сюжету, в какой-то момент прямо вокруг нас, моих коллег и меня, в проходах возникли актёры изображающие колхозную свадьбу в клубе. Несколько человек устраивают стрельбу, драки, слёзы, мечутся в платьях, убегают от жениха, догоняют жениха. Всё выглядит спонтанно и это настоящий современный театр. Актёры со сцены также сходят и действие творится в нашем десятом ряду. После достаточно долгого для всех нового, премьерного поворота, свадьба всё же завершается миром. Но традиции чтут, хоть на тот момент невеста остаётся без жениха в слезах. И распорядитель церемонии бросает в зал букет, кто же выйдет замуж следующей? И, в тот момент, когда я понял, что со сцены будет брошен стоящим спиной к нам актёром этот красивый букет, у меня отчётливо возникла уверенность, что это я поймаю его. Так и получилось. Я вытянул руку и схватил его высоко, в полёте. Но радость была скоротечной, она перешла в сумасшествие. В тот же миг, когда я опустил руку с букетом, ко мне через все ряды, через людей, через моих коллег полезли «отец» и «мать» брошенной невесты и она сама. Ещё какие-то другие руки выволокли меня в проход, вручили кольцо в коробочке и убеждая стать женихом насильно потащили из зала в холл. Оборачиваясь я увидел, что и актёры со сцены бегут за мной. Нагнав меня все хохотали и слопали по плечу, я вручил кольцо уже смеющейся невесте и тут понял, что так

начался антракт. Возбуждение от этого нечаянного перформанса было столь велико, что спектакль из отличного перешёл в разряд бессмертной классики и я удовольствием вернулся смотрел вторую часть. Слава «Таганке», которая умеет обрести своего зрителя, слава современной режиссуре! Как приятно, когда всё получается наилучшим образом. Простое сидение в кресле даёт так много радости и соучастия в акте красоты. Сидение это разделили в тот вечер соседи по рядам – Долина и Джиган. Приезжие мои коллеги трактовали это как обычное московское дело. Ишь какая невидаль, пришли в театр, значит знаменитости должны быть. Не только на сцене, но и в зале. Для тех же кто посчитал себя москвичом, все эти встречи лишний раз подтвердили, что мы в правильном месте в правильное время. Спектакль на сцене, не в зале, закончился грустными сентенциями, но все мы ушли счастливыми. Это был настоящий праздник, который сложно забыть. Моя маленькая роль без слов и оттоптанная нога коллег, нога Акинфеева и мультимедиа на потолке, в этот вечер всё оказалось на своих местах. Рекомендую к посещению. Рекомендую ловить свой шанс, когда он летит со сцены в массы и довериться профессионалам.

* * *

Кроме ловли букетов невесты с первой же в жизни попытки у меня есть и настоящая суперспособность. Если я ока-

зываюсь на природе, и это не лютой мороз, меня моментально окружают комары и начинают жалить в каждый открытый участок тела больше, чем любого из находящихся рядом людей. Я превращаюсь в размахивающего руками странно-го человека, который постоянно трогает свою шею, волосы, хлопает себя по щекам, кистям, лбу. Люди в метре от меня могут спокойно радоваться прогулке в лесу, но я буду в туче насекомых даже на ветру, под дождём, в поле, в лесу, в любом диком зелёном месте, во всякую погоду-непогоду. Если я когда-нибудь усну в лесу, думаю, у меня покусает даже подмышки и подколенки, веки и мочки ушей. При входе в зелёную зону на мне загорается какая-то сирена, что говорит всем комарам: «Летите сюда! Настал час, ради которого вы родились! Это цель номер один!». У меня может быть длинный рукав и высокий ворот – они будут кусать пальцы и брови. Я начну махать веткой – комары сядут на эту ветку и станут атаковать с неё. Кто-то рядом может курить или разжечь костёр, комары будут гореть как камикадзе, задыхаться от дыма, но настигнут меня и последним, что они сделают в своей жизни будет укус мой кожи. Распыление «химии», у которой из надписи на упаковке следует, что она защищает 4 или 8 часов, приносит мне облегчение на 30-40 минут. За банальную прогулку я убиваю сотни комаров. Достаточно просто провести рукой по волосам и на ладони остаётся один-два кровососущих. Эта жатва начинается с первыми днями лета и продолжается до начала холодов. Весна ещё

благосклонна ко мне, но лето... Лето – это не моё время для походов с палатками или велопробега по пересечённой местности. Свои экскурсии и подвиги на природе мне следует завершать на майские. Говорят, что комары не поднимаются выше пятого этажа. Я ответственно говорю, что они бросают клич и отбирают самых сильных чтобы послать их ко мне на восьмой в Смоленске и на семнадцатый в Москве. Эволюция комаров в ближайшем лесу идёт по пути отбора самых высотных и бесшумных чтобы пробраться в мою спальню. Если вы идёте в лес со мной летом, то можете не брать репелленты и идти голым, все комары будут на мне независимо от степеней защиты, главное, не отходите от меня далеко. Укусы обычных, самых что ни на есть ординарных комаров, оставляют на мне волдыри крупных размеров. Если я начинаю расчёсывать, то волдыри могут превратиться в красное пятно сначала с пятирублёвую монету, затем с подстаканник и, наконец, с блюдце. Они станут сливаться и возвышаться над кожей, напоминая рожистое воспаление. Кожа станет бугристой и пятнистой, крупные очаги на лице и шее делают голову несимметричной, сходство с фотографией в паспорте утрачивается. Зуд и назойливое почёсывание не утихает до двух дней. Под ногтями скапливается эпидермис, на волдырях образуются мозоли от частого расчёсывания. Противоаллергические, десенсибилизирующие средства не срабатывают или их не оказывается под рукой. Единственный выход в летний лес может оставить след на неделю. На моей

очень бледной коже бугры-волдыри напоминают о том, что человечество не победило оспу, а у чумы есть кожная форма. Сомнения по поводу проказы тоже сохраняются. Я терплю, воспитываю характер, мажусь и одеваюсь, но уже ко второй неделе июня устаю и принимаю свою суперспособность как есть. Во всех ящиках в прихожей и карманах машины есть балончики с ядом, я опрыскиваюсь, помню про короткий рукав, но кажется ничто не отберёт у меня мою силу привлекать самок комаров. Что они получают от моей крови? Напившаяся отложит яйца из которых родится комариный Спаситель? Моя кровь – их героин? Я прочитал уйму статей о том, почему одних кусают, а других нет, и почти ничего из этой информации не помогло мне, не объяснило и не дало рецепт спасения. Я рождён кормить лесных тварей. Как правило, любая особенность имеет много сторон, много мишеней в жизни. Скажем близорукость освобождает от армии, а худоба от диабета. За идиотов выходят красавицы, умные страдают депрессией. Что именно даёт мне сверх нормы способность привлекать облако комаров я до сих пор не знаю. Может всё, что есть хорошего во мне это компенсация от природы за укусы. А может быть я ещё не открыл новые стороны своей суперсилы и однажды я перестану жаловаться, узрев что именно получил в нагрузку к волдырям. Если до этого у меня не начнётся рак кожи от аэрозоля из балончиков или я не подавлюсь «Цетрином». Если всё же нет, то – Мистер Волдырь – персонаж нового комикса о лесах России

для недружественных стран. Трепещите дети, воспитанные на картинках со словами в облачках!

* * *

Пандемия и военный кризис лишили меня заграничных странствий. Однако оказалось, что рабочие задачи при известной глубине проработки могут привести к путешествию по огромной нашей стране, подарить открытия не менее удивительные, чем приносит Будапешт или Хургада. И вот снова, на попутном ветре бизнес-необходимости меня уносит в дальние регионы. Самолёт на половину пуст. Место у окна заняла представитель какого-то небольшого даже скажем малого народа. Подобно кубинцам или цыганам, она до последнего момента, до самой секунды над землей, извергала жуткие звуки из своего смартфона. Каждое нажатие, каждый чат, видеосвязь – всё было на громкости, без наушников. Полсамолёта и я, сидящий локоть к локтю, вынуждены были это слушать. Мне показалось, что беспокоит это только меня, остальные будто такие же или резистентные к шуму. Соседка умудрилась рассыпать на меня салат из полётного ланча, закидать салфетками и в финале разлила на меня чай. Нет, извинений и какой-либо заботы, если не об имидже, так о чистоте не было. Просто эпизод. Она такая. Это её рейс, её жизнь, я только лягушка, прикрепившаяся к перелётному аисту. Ланч, кстати, был очень обильным и сытным, как

во времена аэрофлотских полётов в доковидную довоенную Европу. Никаких сухих бутербродов. Убрал часть этого богатства со своей одежды и сидения, я присмотрелся к другим мелочам. Газета «Красный Север» в кармане кресла. Новости о выплатах врачам, подъёмных, находках в вечной мерзлоте. Какой-то сборник сказок, а не политический вестник. Журнал «Меридиан» с хвалебными отзывами о потрясающем отдыхе в Туле. Это именно то, о чём мечтают посетители данного рейса. Тула, такая несбыточно-далёкая от вахтовиков. Соседка фотографирует облака. На груди у неё английская надпись – «верь в себя» – на белой футболке. Не скажу, что она не соблюдает заповедь. Когда самолёт приземлился в 14 градусов тепла из московских 25, в сильный ветер, в необходимость застегнуться по самое всё, моя соседка так и пошла в футболке к аэровокзалу. Ещё несколько персонажей в футболках заметно выделялись среди кутающихся москвичей. Это был тот случай, когда 14, но по ощущениям все 8 с половиной. Единственный самолёт на аэродроме смотрелся гигантом на фоне десятков вертолётов. Именно они хозяева местного неба. Безбагажный я проследовал сразу к такси мимо надписи на куполе – «Салехард». Таксист возил какими-то квадратами по маленькому чистому городу, спрашивал, как я сплю при свете. Я заметил, что почти все улицы, которые проезжаем, начинаются на букву «Ч»: Чапаева, Чкалова, Чупрова, Чубынина. На это таксист ответил туром по Пушкина, Матросова, Маркса, будто я и не уезжал

из Смоленска. Водитель также показал одну достопримечательность, притормозил у пустого места. Реально у асфальтированного пятака размером с комнату. Раньше там стояла стелла обозначающая где именно проходит Полярный круг. Блуждая по городу, мы несколько раз пересекли эту невидимую границу. Раньше, те кто работал севернее этой стеллы получали надбавку к зарплате 80%, а кто южнее только 60%. Убрали ли знак как символ неравенства? Сейчас весь город получает одинаково – восемьдесят процентов, однако стеллу не вернули. Больше достопримечательностей таксист не показал. Его огромные солнечные очки были зеркалами-воротами во вникуда. Неприветливый, немолчаливый, небыстрый, он показался таким же случайным попутчиком, как и неопрятная соседка. Таксистом ли он был вообще? Позже гуляя и заглядывая через заборы частных домов я видел по три-четыре машины, есть ли здесь реальное такси или это только развлечение для местных, возить гостей. Исчез он на пустой улице, как только подъехали к двухэтажному отелю. Миг, и нет машины, в обе стороны на улице ни души. Начался мой полярный день. Под ярким солнцем и холодным ветром обошёл квадратами новые школы, ледовые дворцы, гимназии, встретив только пару собак, дальних родственников моего Альбуса-пса и несколько подростков. Иногда на перекрёстках стояла машина, иногда на фоне Оби пролетала чайка. Обь размером с Чёрное море вся покрытая островами, косами, раскинулась сразу во все стороны. Блестела

между всеми дворцами культуры одновременно, создавала атмосферу острова. Криво-ржавые корабли и баржи стояли у берега. Чем они занимаются когда река замерзает? Ещё удивительнее было встретить яхту. Я заглянул в Обдорский острог, качественный новодел, пахнувший сосной и экскурсиями школьников. Отлитые пушечки были очень к месту, на них не сэкономили, расставили везде, если бы не дата «2006» на стволе, то можно принять за оригинальные. Ветер разогнал облака и фотографии бревенчатых башен и церкви, дома воеводы, получились объёмными на бирюзе неба. После меня в острог зашёл, осторожно отодвинув ворота, ещё один посетитель. Ничего похожего на кассу или магазин сувениров в этом музее под открытым небом не было. Я спустился по пустой улице к торговому центру, но никого не встретив ушёл к рекомендованному коллегами ресторану. Там были около полусотни молодых людей, тот самый любимый овсяный стаут, рулька по-немецки достойная самых высоких похвал и смертельно холодная вода в кране туалетной комнаты. Излечив холод ветра и рукомойника рулькой с горчицей, я вышел за новой порцией нетепла. Прислушиваясь к разговорам местных не выявил никакого акцента или говора, небольшая аляповатость персонала не выглядела местным колоритом. Цены не были полярными, были демократичными, масса людей напомнила о сегодняшнем Дне России. Я гулял. Продолжил фотографировать граффити с ледоколами и медведями, трогать за лапу лису-герб и дивиться на

скульптуру хоккеистов-шайбоборцев. Два бегуна в шортах пробежали мимо, вернули меня в реальность. Я снова понял, что кроме нас на улицах никого нет. Значит всё прелестно, как я люблю, без людей и шума. В пол-одиннадцатого вечера солнце не думало заходить за горизонт, светло было как в Москве в обед. Надеюсь, что мои соседи через стену так же как и я завесят плотные шторы, а не станут дожидаться ненаступающего заката. Надеюсь, они дадут мне поспать по моему расписанию чтобы завтра поработать на славу, не бессонницей страдать я приехал. С верой в биоритмы приготовился ко сну. Сон пришёл под лучами солнца обходящего шторы, пытающегося залезть на стену, если не в глаза, то хоть бросить блик на телевизор. Утром, в шесть, оно было высоко и ярко. Я не знаю светило ли всю ночь, но прогретый воздух подсказывал, что скорее да. Вид из номера был тот же, что и за углом каждого из дворцов спорта. Обь стояла за окном. Не текла, не волновалась, стояла. Где-то завыла собака и заговорил человек. Дело шло к завтраку. Короткая экскурсия в местный музей и на рынок. Всё замечательно. В городе с населением в сорок тысяч с любовью созданный просторный музей, нефтегаз чудодейственный. Скучность археологических находок компенсируется интерактивом, чучелами каждой возможной дичи, вещами малых народов. Мумии людей и мамонтов – вершина экскурсии. На рынке прилавки заполнены невиданными рыбами и олениной в фас и профиль. Кошачья еда, собачья, человечья, голени и консервы, колбаса и

вырезка. Олень разобран как автомат Калашникова. Рыба не вызвала интереса, дорогой деликатес, несколько незнакомых названий не делают его ещё более желанным. Верю, что вкусно. А уж как её там зовут, не так важно. Олень, другое дело. Надеюсь после работы успеть зайти, закупиться съедобными сувенирами. Салехардцев и салехардок стало побольше. Светофоры работают не впустую. Солнце зреет и светит так, словно неделю скучало. Обманывает, оно вовсе не садилось. Совершенно особенный мир этого полярного города мог бы оставить в памяти различные штампы. После того как привык к идеальным дорогам и дворцам, я подумал, что маркой на конверте памяти о Салехарде станет Обь. С её паромами, отмелями, отсутствующим течением, прозрачной холодной водой. Река-титан, река-властелин земли, которая видна отовсюду и везде её много. Но не Обь, а солнце, нет – Солнце – стало самым-самым там. Неуходящее, непрощающееся, проникающее в каждый угол, каждое окно, отражающееся на всём, делающее небо каким-то интенсивно голубым. Отдёргивание плотных штор в шесть утра и сразу солнце. Сразу во весь рост, яркое, невозможно интенсивное. Сразу как в полдень и так до позднего вечера. Затем тоже яркое, просто с длинными тенями, контрастными и чёрными, отброшенными всем, там внизу, под солнцем. Солнце Севера. Оно сделало красивым любой вид, воду в реке, лица людей. Все фотографии стали профессиональными. У нас в средней полосе какое-то суррогатное солнце. Солнце Верхнего мира, насто-

ящее шаманское светило живёт в Салехарде. Набор высоты на обратном пути, через облака к серо-дождливой Москве. Солнце осталось ждать на севере. До Шереметьево долетели только крохи его света.

* * *

В Москве совсем другие погоды и разговоры. Облачно по-осеннему, по-питерски. На лбу сразу вскакивает прыщ. Чтобы не начать ворчать и пролистывать до конца весь интернет, подменяю жену на прогулке с псом. Ухожу от крайнего дома квартала в сторону леса. Под ногами дорога из битого печенья, а по краям зелёная каша брокколи. Иду по лесной тропинке облагороженной методом посыпания крупной стружкой. Срубили с виду здоровые деревья, прокрутили через адскую машину-расчленитель, посыпали стружкой наиболее просторные тропинки. Теперь по ним люди забираются куда как дальше в лес. Бегуны проникают в своих тонких невесомых кроссовках, ходуны с палками шагают под елями, ранее робкие собачники осваивают мои маршруты. Стружка жёлто-коричневая, где-то рыжая, где-то соломенного цвета. Кишки и кровь перекрученного дерева. Теперь впитывает влагу дороги, контрастирует с зеленью травы, ландышей. На стружку падают шишки и становятся её частью. Там, где солнце попадает на тропинку, стружка подсыхает, золотится. В большинстве мест она пружинит или даже немного хлю-

падет из-за обилия влаги под ней. Идёшь как по дорожному покрытию в борцовском зале. В какой бы обуви не шёл, всё кажется, что в мягких кроссовках. Идеально для людей с межпозвоночными грыжами или гонартрозом. Стружковый путь обходит старые лужи и глубокие колеи неизвестных времён, когда лес был заповедным, но, однако, кто-то пёрся сюда на крупном транспорте регулярно. Это как-то связано с гниющими огромными башнями стоящими в одну линию через каждые пять минут ходьбы. Остатки их, немного колючей проволоки, немного бетонных блоков, рухнувший мостик, всё говорит о том, что лет пятьдесят назад здесь была какая-то технологическая жизнь. Изредка нога в лесу вдруг становится на что-то твёрдое. Шаркаешь подошвой, откидывая полувековой налёт иголок и листьев, видишь под собой бетонные плиты. Старожилы говорят, что это всё навигационная система Внуковского аэропорта. До всех этих ваших джи-пи-эс стояли здесь вышки-башни и что-то такое делали чтобы самолёты не разбивались и находили аэропорт. Версия мне нравится. Подтверждает её то, что если ровно в восемь вечера стать в закате под эти монструозные остатки чего-то, не бояться, что завалится десятиметровое бревно на тебя вместе с перекладинами, то точно над тобой пролетит самолёт. Будет светить вперёд фарами как машина и будут у него уже опущены шасси. Всё будет отлично видно, самолёт низко и точно над линией гниющих башен из дерева. Отсыпанная стружкой дорога ещё не дошла до конструкций, про-

сто напоминает, любой лес в Новой Москве станет парком, а дальше и местом застройки. Тотально точечной как детская игра во всовывание пластиковых квадратиков в дырчатую дощечку. Каждый квадратик, цветной и гладкий, сам по себе точка в дырке. Сливаясь они дают сплошную картину и не различить уже досточки под ними. Сквозь стружку не растёт трава, плотный слой, но взошли грибы. Может споры их были прямо в том трупке дерева, а может грибы сообразительнее растений. Незаметно золотистые, маскирующиеся под рваную древесину, торчат грибы тут и там на дороге. Вдоль этого пути из жёлтого дерева – новое чудо. Земля лениво взрыхлена какой-то железной чесалкой и всё это раненое придорожное полито обильно зелёной кашей. Каша состоит как бы из жидкой травы, цвет только ненатуральный, такой зелёной, какого оттенка травы и не существует. Полагаю, что эта жидкая трава должна прорасти и напитать красотой газона эти промежуточные локации. Сделать плавным переход от асфальта к лесу. Залечить траншеи и места разворотов бульдозера. Пока этого нет. Каша не впитывается в разрыхлённую землю, лежит как будто лес вырвало съеденными папоротниками. Это жижа-рвота на два-три метра в стороны покрывает землю прилежащую к фонарям, остановкам, тротуарам неоткрытой дороги, что пролегла через наш лес в пандемию. Соединит она какие-то новые районы, станет хордой между чем-то и чем-то. Нам просто повезло, что дорога прошла именно через наш лес. Разделила его мень-

шую и большую части, принесла цивилизацию в лице прокатных самокатов, наркотических закладок и горок мусора состоящих из объедков строителей и их сломанных орудий труда. От пустых тротуаров и стартуют посыпанные прахом деревьев рыжие пружинящие тропинки. И там, где цивилизация и лес соприкасаются, всё забрызгано кашей из брокколи, рвотой леса. Неделю она не впитывается и через неё не проходит ни один ход крота и не пробивается ни один самый примитивный росток. Каша просто лежит и зеленеет. Она скользкая и чужеродная как слизь из старых фантастических фильмов. Может это и не рабочие её нанесли, может это лес чётко отграничил себя от асфальта и заборов. Сворачиваю со стружки в коричневую жижую настоящей тропинки, пинаю шишки и ухожу дальше. Но как бы не делал круг по лесу с собакой, шире или витиеватей, всё же заходишь и выходишь теперь всегда через зелёную кашу и жёлтую стружку. Дорогу откроют. В этот траурный день придётся переходить ещё и по зебре. Толпы людей из соседних районов смогут приехать сюда на пикники на машинах и стружка из елей, мусор строителей, покажутся детским кошмаром по сравнению с будущим триллером про концлагерь.

Полугод.

Он был неизбежен. Нельзя пропустить свой полугод. Можно пропустить истории его наполняющие. И я пропустил массу. Два моих маленьких глаза не могли увидеть всего. Тем более, я регулярно их закрывал на сон и чтобы не видеть несовершенства мира. Пропустил, например, историю про то, как через лесопарк шёл полный мужчина в синих джинсах, синем свитере, с рыжими волосами и держал в каждой руке по яркому банану, по одному в кулаке. Взмокая он быстро шёл по прямой размахивая руками, широко шагая как северноходец, унося жёлтые бананы в лес. Несложно фантазировать его цели и задачи, но он ушёл, и эта история ушла вместе с ним. Не уследил, закрыл глаза. Что стало с рыжим бананоносцем? Я пропустил историю о том, как весь западный мир первым напал на нас и теперь только изучаю на всех перекрёстах лица героев-защитников, что смотрят на меня с огромных экранов. Раньше на этих рекламных местах был какой-то бизнес, потом объявление о том, что здесь может быть реклама бизнеса, а теперь сменяющиеся лица молодых мужчин в погонах с полным ФИО и званием. Они все молодые и неулыбающиеся, в парадном. Наверное, всех защитников от злых сил фотографируют заранее перед отправкой на фронт. Фотография им всегда пригодится, может на билборд на московский перекрёсток, а может на могилу. Ли-

да их в тот момент войны ещё не видели, оттого юны и бледны. Парадная форма смотрится как на выпускницах, впервые одевших платье, потому что так заведено на выпускном, всё чуточку неловко. Это виртуальные доски почёта. Лишь бы не виртуальные могилы. Я пропустил историю исчезновения масок с лиц. Не в Питере, конечно, не в провинции, где их и не было никогда, пропустил в Москве. В один из подземных дней, на новой ветке метро смотрел на людей и не понимал, что не так. Вроде обычно, телефон в руке, наушники в ушах, носки сползли до самых пальцев, подмышки наличествуют. Видны лица, брекеты, герпес на губах, щетина. Исчезли маски. Ночью через дымоход пробрался волшебник и украл все маски в городе. А может быть волшебник включил магический рингтон и все маски, как крысы в сказке, строем покинули Москву. И все-все стали просто обычными, с полной, а не половинной эмоцией на лице. А ведь было так комфортно скрыться за этой бумажной занавеской, убрать свои ухмылки и улыбки, задумчивые губы-в-трубочку, стать на ступень выше в интровертизме, исчезнуть с радаров любопытства. Пропустил и нашествие зябликов. Это лето наполнено зябликами. Бывали годы преобладания дроздов, скворцов, соек, но никогда зябликов. Все скверопарки в 2022 кричат зябликами: «фьи-фьи-тъя-тъя-чувр!». Мажорность. Радость в их позывных. Так в гороскопе вращаются птичьи года, мы дожили до года зябликов. Маленькая бодрая птичка с коричневыми плечиками, воробей по-

сле тюнинга. Всегда узнаешь, если хоть однажды тебе укажут на неё. Прямой зябликовый полугод. Запомним, ведь такое может не повториться. Одна странность состоялась в это полугод, которая никак не получает название у меня в голове. Вне закона стал пацифизм. Раньше, в любом совершенно раньше, советском или переходном, если вы шли бы по улице с убеждением, что война не нужна, то встретили бы одобрение. Может быть и поддержку, песню, грамоту. Вам выдали бы транспарант и сфотографировали для местной газеты. Детали зависят от того сколько вам лет и куда идёте, к американскому посольству или к речке купаться. Но мир нужен был всем. Желание мира, пацифизм, передавалось через мел школы, через руки ветеранов, через кино и вино. Чёрно-белые великие с портретов смотрели и молчали про мир, цветные из телевизора пели про мир, родственник отслуживший на границе приносил мир в анекдотах и сувенирах. Теперь же хотеть мира нельзя. Ходить и молча хотеть можно, но громко хотеть не получится. Пацифизмоцид. Пацифизмор. Как назвать? Все хотят мира, но это как-то не так теперь называется и это не совсем тот мир, что был в нашем раньше. Такую я отмечаю странность. Она совсем незначительно влияет на окружающих пока они живут в мире. Просто удивляет, как перемена непогоды. И последняя странность – необходимость победить. Так много открылось за этот полугод правды, лжи, истинного лица бизнеса и власти, упали маски со скоморохов, стало ясно, кроме как победить это

всё, иного пути нет. Нельзя уже проиграть. Нужно перевернуть свой мир. Не имеет значения кто прав, а кто нет и почему. Пусть правы все. Не стало сложности выбрать сторону, нечего выбирать. Победить и закончить. Победой будет сохранение семьи и работы, радости, приношение пользы людям, ритм жизни и новые мечты. Прочие истории я постарался записать в этом дневнике. Использовать свой язык, личное-всякое, стать на полгода зеркалом окружающего мира, записать какой он, свет в тоннеле. Чтобы если настанет время, когда нечего будет отражать, сохранилась возможность вспомнить какие бывают полгода. На целый замахиваться не собираюсь. Где найти столь терпеливого читателя? Полумиру – полгода.